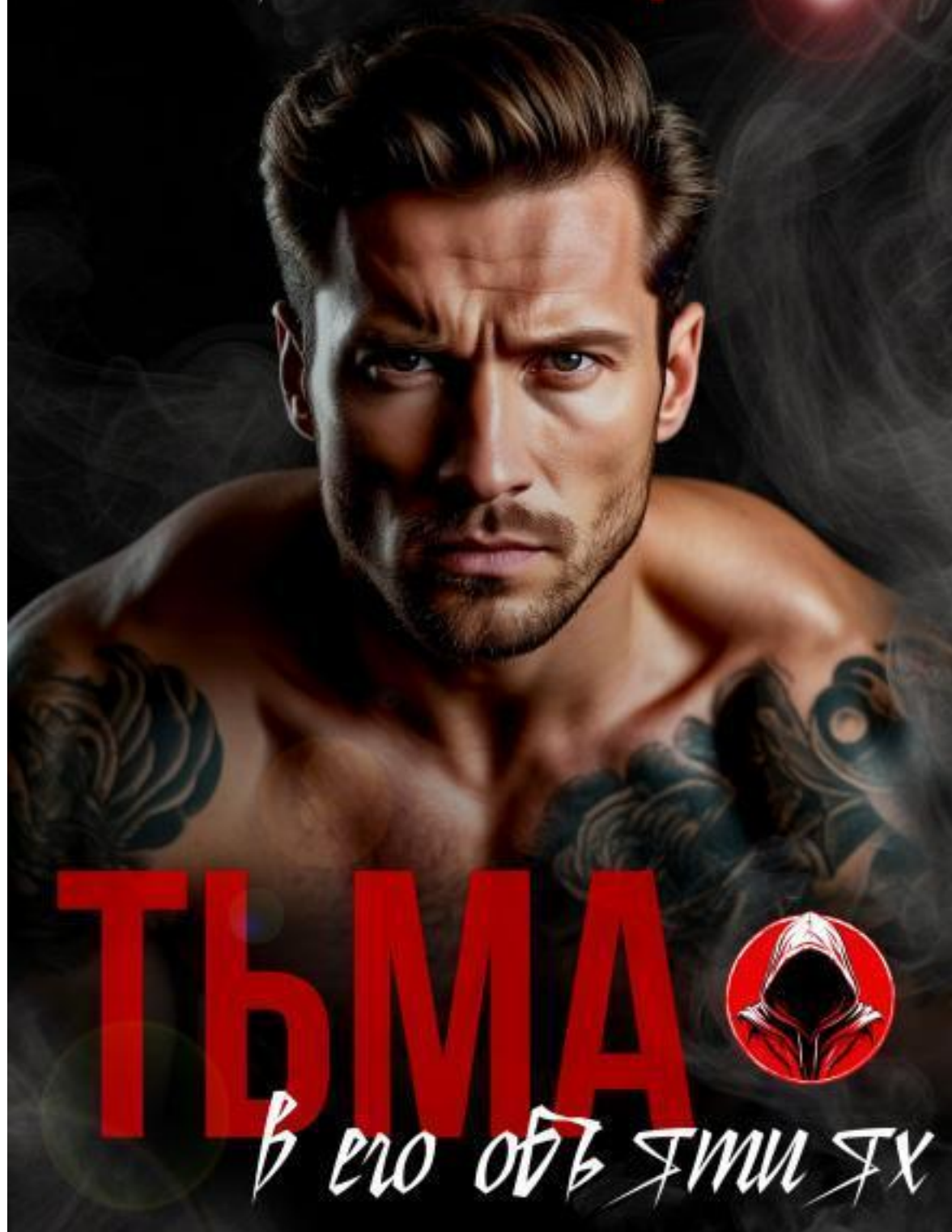

Ирина **СЛАЩЁВА**

Ирина Слащева
Тьма в его объятиях

«Литнет»

2026

Слащева И.

Тьма в его объятиях / И. Слащева — «Литнет», 2026

Я открыла глаза во тьме. Неизвестная комната, ни одного воспоминания, как попала сюда, и ОН - единственный, кто знает правду. Его облик скрывает тайну, голос дрожит от ярости, а прикосновения обжигают, будто он сам — часть этой тьмы. Но что, если он лжет? Или еще хуже - не существует? Что бы ни было, я узнаю истину. Даже если она разрушит мой мир. И когда реальность рассыплется на куски, любовь станет якорем. Или последним ходом в ЕГО смертельной игре? ♣#♣#♣# Эта история будет напряженной и очень эмоциональной. Здесь вы найдёте: #тайныпрошлого #опасность #властныйжестокийгерой #адекватнаягероиня #эмоциинагранице Ну и как бы трудно ни было в процессе, у меня, как обычно, ХЭ. Иначе никак)) ♣#♣#♣# Книга открывает самый таинственный литмоб февраля - «В темноте его боли»;

© Слащева И., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Начало	6
Глава 2.	11
Глава 3.	15
Глава 4.	17
Глава 5.	21
Глава 6.	25
Глава 7.	29
Глава 8.	32
Глава 9.	36
Глава 10.	40
Глава 11. (Ярский)	44
Глава 12.	47
Глава 13.	50
Глава 14. (Ярский)	52
Глава 15.	54
Глава 16.	58
Глава 17. (Ярский)	61
Глава 18.	64
Глава 19.	67
Глава 20.	70
Глава 21.	73
Глава 22. (Ярский)	76
Глава 23.	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

ПРОЛОГ

*Что видится вам во тьме?
Отчаяние? Безысходность? Крах надежд?
Тьма – это конец. Но она же – начало.
Тьма многогранна.
Но иногда тьма – лишь отсутствие света.
Правда, от этого не легче...*

ПРОЛОГ

- А я думал, ты при свете спишь, - разрезал тишину властный голос.

Я подскочила на месте, окончательно придя в себя, и увидела большую темную фигуру у окна. Мужчина стоял спиной, но вид его ничего бы мне не сказал. Но голос... Этот голос я узнаю, где угодно.

- Вадим? – неверяще произнесла я.

- Дай угадаю: ты уже начала верить, что сходишь с ума, – насмешливо отозвался он.

- Но тот мужчина.., - я окончательно растерялась, - он сказал...

- Закрой глаза, - перебил Вадим.

- Зачем?

- Закрой глаза, Ульяна, - бархатным шепотом велел он. Ослушаться не получилось.

Стоило зажмуриться, как воздух возле меня всколыхнулся. За спиной стало ощущаться чужое присутствие. На плечи легли тяжелые ладони, обжигая прикосновением.

- Скажи, я похож на иллюзию? – тихо спросил Вадим, слегка задев мое ухо губами.

- Я не знаю, - выдавила из себя. Мысли никак не собирались во что-то внятное.

Вадим провел ладонями вниз, а затем переместился на мою талию, крепко прижимая к своему телу.

- А теперь? Ты чувствуешь меня? – он потерся щекой о мою макушку.

- Да, - пересохшие губы отказывались шевелиться.

- Чувствуешь мой запах?

Я втянула носом воздух, заполняя легкие ароматом мускуса и сандала.

- Да.

- Умница, - довольно произнес Вадим, обходя меня. – А теперь можешь смотреть.

Казалось невероятным то, что я наконец увижу его. Но мне отчаянно этого хотелось. Чтобы ухватиться за реальность. Чтобы самой убедиться, что не схожу с ума.

И я открыла глаза...

Глава 1. Начало

Открой глаза...

Сознание было всё еще где-то далеко. Меня качало на волнах иллюзорного бреда, который мешал понять, где кончается сон и начинается реальность.

Открой глаза...

Я видела свою квартирку, которая покрывалась трещинами и обрушивалась прямо на меня. Видела путь в школу, посреди которого вдруг вырастали огромные корни, цепляя меня за ноги. Я видела маму, которая почему-то обращалась вдруг матерью Дины...

Ничего не значащие видения постепенно превращались в кошмары, а я все никак не могла вынырнуть из них.

Открой глаза.

«Может всё дело в том, что реальность хуже твоего самого страшного кошмара?» - раздался из ниоткуда издевательский голос, который я надеялась никогда больше не услышать.

Открой глаза!

Пробуждение было стремительным. Но при этом казалось непосильно тяжелым. Голова противно гудела, вызывая приступы тошноты. Тело словно мне не принадлежало.

Сосредоточенная на ощущениях, я не сразу поняла, почему всё мое существо вопит от ужаса.

Тьма... Мой самый главный страх.

Я была в темноте. Чистой. Не тронутой ни единым отголоском света.

Поднесла руки к глазам, но их словно не существовало. *Меня* словно не существовало.

Только не это...

Давний ужас стал подниматься из глубин подсознания. Я крепко зажмурилась, убеждая себя, что всё это лишь сон.

Вдох...

Выдох...

Где я? Почему я здесь?

Подо мной был твердый пол. Его холод пронизывал тело до самых костей, вызывая запоздалый озноб.

Вдох...

Выдох...

Раскинула руки по сторонам, ощущая пространство. Бетон. Просто бетон.

Собравшись с силами, заставила себя подняться. Глаза держала закрытыми, обманываясь, что тьма – это мой выбор.

Собственная память казалась тянущим вниз балластом и никак не поддавалась.

Я одна. Непонятно где. В темноте.

Вдох...

Нет.

Не в силах больше удерживать контроль, я распахнула глаза, выпуская весь ад, рвущийся из груди.

- Н-е-е-е-т! – как безумная кричала я. – Выпустите меня! Выпустите!

Я рванулась вперед, но очень быстро наткнулась на стену. Не обращая внимания ни на сбитые кулаки, ни на бесполезность трепыханий, стала колотить по стене, требуя, чтобы меня выпустили.

С каждой секундой кислорода в легких было все меньше. Я уже не могла набрать достаточно воздуха для крика. Я вообще словно разучилась дышать.

Паника, липкая, тягучая и беспощадная, сдавила тисками, не желая отступать. Упершись лбом в стену, я сипло вдыхала, стараясь хоть немного продлить свою жизнь.

- Вот же чёрт! – раздалось вдруг за спиной.

Не успела я испугаться, как сильные руки развернули меня, впечатав спиной в холодную поверхность.

- Угомонись, придурочная! Я не собираюсь тут сдохнуть из-за тебя! – злобно выкрикивал он, обжигая меня ненавистью.

- К... Кт...о..., - я все еще не могла произнести ничего внятного.

- Заткнись уже наконец! И дыши!

- Н...не м...мо...гу, - судорожно втягивая воздух мелкими вдохами, помотала головой я.

- Тогда я сам придушу тебя, - неожиданно тихо и угрожающе прошипел он мне в лицо.

Я не видела этого мужчину. Но чувствовала, как он приблизился вплотную. От него исходила ярость. Он тяжело дышал, вынуждая неосознанно вдыхать вместе с ним. Но главное, в этом могильном холодном мраке я ощущала его тепло. Тепло человеческого тела.

Боялась ли я незнакомца?

До безумия.

Но глубоко внутри осознавала, что между опасностью в его жестоких руках и одиночеством в темноте, я бы точно не выбрала второе.

Несколько минут мы не двигались. Я ловила его дыхание, копируя ритм и постепенно успокаиваясь.

Как-будто это вообще возможно...

- Наконец-то, - недовольно буркнул мужчина, резко отпуская меня. Почему-то я представляла, что на его лице появилась гримаса брезгливости.

- Нет, не уходи! – взвизгнула, когда он отдалился.

На автомате метнулась куда-то вперед, чтобы ухватиться за незнакомца.

Оказалось, что он не успел отойти далеко, поэтому я с размаху впечаталась в его грудь, больно ударившись носом.

Мужчина будто бы пошатнулся, зашипев от боли.

Чушь. Должно быть, показалось.

Потому что по ощущениям, я словно вновь на стену наткнулась. В отсутствие зрения другие органы чувств выкручивались на максимум, поэтому доли секунды хватило, чтобы ощутить рельеф мышц и ауру силы, окружавшую его. Мужчина был явно намного выше меня.

Он перехватил меня за плечи, отстраняя от себя, но даже в этом легком движении чувствовалась едва сдерживаемая мощь. Мне действительно *стоило* бояться его. Этот незнакомец мог бы голыми руками сломать мою бедовую шею.

Нужно не злить его и держаться подальше, но как сделать это, если даже инстинкт самосохранения сейчас молчит, вытесненный страхом оказаться наедине с тьмой.

- Прости, - выдохнула я, поднимая голову туда, где должно было быть его лицо. – Я с детства до смерти боюсь темноты.

- Темнота не убивает, - почти прорычал незнакомец. – Убивают чудовища, которые скрываются в ней. Уверена, что я не одно из них?

- Пожалуйста, хватит, - по моим щекам покатались слезы, голос задрожал. – Не пугай меня ещё больше. Я же просто учитель. Я ничего не сделала. Не заслужила этого.

Под конец я уже сотрясалась в рыданиях, жалея себя и проклиная мир за несправедливость.

Почему всякий раз, как мне кажется, что жизнь наладилась, случается что-то ужасное?

- Твою мать... Тебе не надоело тратить драгоценное время на херню?! – раздался над головой возмущенный бас. – Люди, которые ничего не сделали, не оказываются запертыми непонятно где. В отличие от тебя, святоша, я сделал *слишком* много. Поэтому включай свой

куриный мозг и вспоминай, кому дорогу перешла. Или я заставлю тебя вспомнить. Потому что от этого зависит жизнь моего ребёнка.

Самый таинственный литмоб февраля - "В темноте его боли"

Мы собрали для вас истории, от которых невозможно оторваться.

Мужчины здесь не спасают — они ломают, пугают, отталкивают и притягивают. Их тьма рождена травмами прошлого, о котором не говорят вслух... и которое рано или поздно потребует расплаты.

Психологические триллеры, тёмная романтика, опасное притяжение, запретные чувства, одержимость, выбор на грани и напряжение, от которого сбивается дыхание.

Всё, что ей нужно — разглядеть его боль во тьме.

Ирина С

Все истории можно найти тут: <https://litnet.com/shrt/sk-Q>

Глава 2.

- Что? – ровно до этого момента мужчина передо мной был лишь незнакомцем в темноте. Опасным, осязаемым, но... безликим.

Теперь все изменилось.

Он – отец. Я вдруг отчетливо представила его семью и жизнь за пределами этой комнаты.

Но как я связана с ним?

- Сколько лет твоему сыну? Он учится в городской гимназии?

- Почему ты так решила? – не спешил отвечать мужчина.

- Я работаю там учительницей истории.

Я вдруг поняла, что незнакомец до сих пор сжимает мои плечи. И почему-то интуитивно почувствовала, что он тоже это заметил.

- Ты снова впадешь в истерику, если я отпущу? – резко спросил он.

- Я не знаю, - честно призналась. – Просто, не отходи далеко.

Мужчина цыкнул и тяжело выдохнул. Я представила, как в этот момент он закатывает глаза.

Его облик так и не сложился в моей голове. Вместо мужчины в воображении навязчиво возникало чудовище с горящими глазами и когтистыми лапами. При этом эмоции его я почему-то ощущала очень живо.

Незнакомец убрал руки, но через мгновение, обхватил мою ладонь, потянув за собой к стене.

- Садись, - скомандовал он, опускаясь... на пол?

С сомнением я сделала то же самое.

Облокотившись спиной на стену, прислушалась к себе. Тревожность никуда не уходила, но ощущение присутствия другого человека рядом, помогало держать себя в руках.

- Моего сына похитили два дня назад, - вдруг разрезал тишину низкий голос. – Ни записок, ни требования выкупа, ни следов. А сегодня я очнулся здесь. Странное совпадение, правда? – с сарказмом проговорил он. – И ты здесь. Значит, тоже как-то связана с тем дерьмом, что происходит. И я хочу знать – как.

- Ты не ответил, сколько лет сыну, - я тяжело сглотнула, изо всех сил копаясь в памяти. Но на ум не приходило ничего, что могло бы связать меня с этим кошмаром.

- Шесть месяцев, - сквозь зубы прорычал незнакомец.

Шесть месяцев...

Речь не просто о ребенке.

Младенец.

Малыш, которому нужен уход, забота и огромное количество внимания. И он сейчас в руках тех, кому на него плевать.

Я приложила руку к груди, стараясь избавиться от чувства, что мою грудную клетку раздирают в клочья. Ужас горячей волной накатывал снова и снова.

Шесть месяцев...

Я – совершенно чужой человек для этого мальчика. Но даже я не могу оставаться спокойной. Так что же чувствуют родители? Страшно представить.

Теперь мне понятна злость незнакомца. Чем дольше мы здесь, тем дальше он от возвращения сына.

- Как это произошло? – почему-то шепотом спросила я.

- Это не твоё дело, - грубо осадил меня мужчина.

Теперь эта резкость меня не задевала. Я понимала ее истоки и осознавала, что ему нужна ярость, чтобы не сломаться.

- Меня зовут Ульяна, - спокойно сказала я.

- Мне плевать.

- Будет удобнее звать друг друга по именам, а не просто «эй», - резонно заметила я.

- Вадим, - буркнул он. – Но мне незачем звать тебя.

- Как скажешь, - сейчас Вадим напоминал мне подростков из гимназии. Колючие, вечно недовольные, но, глубоко внутри, просто непонятые.

Я не собиралась ругаться с ним. Я хотела помочь. Поэтому, как бы ни сопротивлялось все нутро, предложила:

- Может попытаемся нащупать дверь?

- Я уже прошелся по периметру. Если выход и есть, он где-то под потолком.

- Здесь что, голые стены? – в ужасе переспросила я, представляя себя в глухой бетонной коробке.

- Только без истерик, давай! – грозно велел Вадим.

- Послушай, я тебе не враг, - старалась вложить в свои слова всю искренность, на которую была способна. – Всё, что случилось – ужасно. Мне правда жаль твоего малыша. И я готова помочь. Чем угодно. Но я не представляю, как. До сегодняшнего дня я не знала ни тебя, ни твоего сына.

- Но ты здесь. И если ты не связана с нами, значит ты связана с похитителями.

- Что?! – воскликнула я. – Да не знаю я никаких похитителей!

- Но они почему-то знают тебя, - голос Вадима стал вкрадчивым, от чего по телу побежали тревожные мурашки. – Обычных училок так просто не похищают. Вспоминай!

- Да что вспоминать?! – от намерения держать себя в руках не осталось и следа. Этот мужчина заранее решил, что я виновна, и не хотел слышать ничего другого.

- Что случилось в твоей жизни в последнее время? – продолжал давить он. – Что-то странное? Необычное? Что-то, что тебя насторожило? Испугало?

- Не было ничего такого! – я раздраженно вскочила на ноги, отвернувшись от Вадима.

- Любые изменения, - воздух за спиной всколыхнулся, я почувствовала приближение. – Новая работа, любовник...

- Нет! – Вадим снова схватил меня, разворачивая к себе лицом, и ощутимо встряхнул.

- Но что-то должно быть!

- Ничего, - я старалась хотя бы мыслями убежать от происходящего, стеклянным тоном повторяя одно и то же.

- Значит, ты что-то сделала, Ульяна.

- Я ничего не делала.

- Подумай хорошенько, - Вадим вжал меня в стену, причиняя боль. – Младенец пропал, и кто-то считает, что ты связана с этим. Что ты сделала, Ульяна?

- Я не знаю, - повторяла как мантру.

- Что ты сделала?

- Ничего.

- Тогда кто сделал?! – заорал он, хватая меня за горло.

- Я не знаю! – отчаянно завизжала в ответ, заходясь в рыданиях.

И тут в голове словно щелкнули выключателем.

Я посреди своего самого страшного кошмара.

Незнакомый мужчина уверен, что я замешана в похищении его ребенка.

А я ничего не понимаю.

Вадим прав. Я здесь не просто так.

Уходя, она клаялась превратить мою жизнь в ад.

Она способна на это.

Дина.

Моя сестра.

Глава 3.

- Когда я была маленькой, отец часто уезжал в командировки, - сквозь слёзы сбивчиво заговорила я. – Но однажды это прекратилось. А спустя пару месяцев, он привел домой девочку ненамного старше меня, - краем сознания я почувствовала, что хватка мужских рук ослабевает. – Папа сказал, что это – моя сестра, и теперь она будет жить с нами.

- У него была вторая семья? – догадался Вадим.

- Вернее сказать – первая, - горько усмехнулась.

Вадим отпустил меня, чуть отступая. И прежде, чем я начала паниковать, взял за руку, опуская на пол вслед за собой. Простой, ничего не значащий жест, но от него почему-то стало теплее.

- Дальше, - тоном, не терпящим возражений, потребовал он.

Я откинула голову, упираясь в стену и продолжила:

- Оказалось, что папа был женат, когда встретил мою мать. Более того, у него была новорожденная дочь. Мама об этом узнала уже, когда была беременна. Терпела его метания, чтобы не лишать меня отца. Но мать Дины терпеть не стала. Узнав, что у него есть любовница, она заставила сделать выбор. И папа ушел к нам. А потом... оказалось, что эта женщина покончила с собой. Поэтому папа забрал Дину.

Вадим ничего не говорил, но по его напряженному молчанию я понимала, что он теряет терпение, слушая историю моей семьи, вместо интересующей его информации.

Что ж, иначе никак.

- Думаю, лишнее говорить, что мы не ладили. Она винила меня в смерти своей матери и ненавидела. Устраивала скандалы, дралась, рвала тетради, ну и всё в таком духе.

- А что родители? – глухо спросил Вадим.

- Проводили беседы, читали нотации, твердили, что мы сестры, несмотря ни на что. Все мы понимали, что Дина пережила трагедию, поэтому старались спокойно относиться к её... *проделкам*. Пока однажды, она не заперла меня в подсобке. На день.

- На день? И никто тебя не хватился? – возмущенно поразился Вадим.

- Мы пришли с утра в школу. Она затолкала меня в комнату под лестницей, где техничка хранила тряпки, ведра и прочее. И замкнула на ключ. Так совпало, что наша уборщица в тот день приболела и не вышла на работу. Я кричала, но меня никто не услышал, - старалась рассказывать все так, словно это было не со мной, чтобы вновь не переживать тот ужас. – А потом началась паника. Казалось, что из каждого угла на меня смотрит чудовище и тянет лапы, чтобы утащить. Я залезла в шкаф, чтобы спрятаться, и сидела там, не издавая ни звука. Учителям Дина сказала, что я плохо себя чувствую, поэтому осталась дома.

- Сколько тебе было?

- Восемь лет.

- Отсюда страх темноты?

- Да.

Мне показалось, что Вадим неосознанно кивнул в знак своей правоты.

- Кто нашел тебя? – тут же спросил он.

- Родители. Они вернулись домой и стали спрашивать у Дины, где я. Она врала, что не знает. Но моя мама не поверила. Лишь спустя время, услышав ссору родителей, я узнала, что мама пригрозила Дине интернатом. Она сказала, что, если её дочь не вернется, то и чужая ей не нужна. Дине было десять. Думаю, она испугалась маминой ярости, поэтому во всем созналась.

- Послушай, Ульяна, - перебил Вадим, - мне жаль и всё такое, но как это всё связано с моим сыном?

- После того раза Дина изменилась, - продолжила объяснять, потому что иначе, он, как и многие до него, не поверит мне. – Перестала конфликтовать открыто. Стала удобной. Для всех. Просто идеальной. А еще она очень внимательно наблюдала за мной, копируя повадки, манеру речи, даже походку. Однажды меня вызвали к директору, обвиняя в краже реактивов из кабинета химии. Я, конечно же, не имела никакого отношения к этому, но мне показали запись с камеры, на которой девушка в *моей* одежде, пробирается в кабинет и сгребает склянки в *мою* сумку. Кстати, там их и нашли.

- Она выдала себя за тебя? Неужели вы так похожи? – прозвучало недоверчиво.

- Ты удивишься, но да. Плюс, она не поворачивалась к камере прямо, так что, если бы я не знала правды, сама бы поверила в то, что вижу себя.

- Это повторялось?

- Постоянно. А когда я пыталась всем открыть глаза, от меня отмахивались, ведь идеальная Дина на такое не способна. Сестра лишь молча улыбалась, видя мои трепыхания, и постоянно твердила, что превратит мою жизнь в ад, – было всё труднее сдерживать поток болезненных воспоминаний, поэтому я зажмурилась, сосредоточившись на дыхании. – В восемнадцать она уехала из дома, сказав мне на прощание лишь одну фразу: «Обещаю, ты не успеешь соскучиться, сестренка». Закончив школу, я тоже переехала. Потом еще раз. Дина больше не появлялась, хотя я лишь недавно перестала оглядываться по сторонам, выискивая ее в толпе.

Я глубоко вздохнула, стискивая кулаки. Потому что даже мне самой трудно было признать реальность происходящего.

- Я ничего не сделала, Вадим. Но ты прав: я знаю, *кто* сделал. Это, наверняка, *она*. Влезла куда-то, назвалась моим именем, и наблюдает сейчас со стороны, как я отвечаю за ее поступки.

- Ты же понимаешь, насколько нереалистично это звучит? – словно вынося приговор, произнес Вадим.

- Понимаю. Поэтому и рассказала тебе все с самого начала. Верить или нет – твое дело.

- Она может быть замешана в похищении моего сына? – сомневаясь, спросил он.

- Не знаю, - лгать я не собиралась. Не ему. – Раньше я не видела, чтобы она обижала кого-то кроме меня. Но после стольких лет я уже ничего о ней не знаю.

- Ульяна, - вкрадчиво позвал Вадим, и я на автомате повернула голову в его сторону, по-прежнему не различая даже силуэта. – Я – бизнесмен. Но в мире, где я живу, порой нужно принимать жесткие решения. И я принимаю их.

- Угрожаешь мне? – безразлично спросила, вымотанная собственным прошлым.

- Да, - припечатал он. – Я хочу, чтобы ты знала – если ты соврала, я приду за тобой.

- Чтобы прийти за мной, тебе сначала нужно выбраться отсюда, как и мне, - язвительно проговорила я, поднимаясь на ноги. – Всё же я попробую еще раз ощупать...

Не сумев договорить фразу, почувствовала болезненный укол в плечо. В ту же секунду голова закружилась, а ноги стали ватными, подкашиваясь. Я упала, лихорадочно осматриваясь, но было бесполезно. Дыхание стало тяжелым, а веки наливались свинцом.

- Вадим.., - позвала я, словно он мог удержать уплывающую реальность.

Надо мной вдруг открылся люк, пуская в помещение ослепляющий столп света. В нем показался мужчина с бесцветными глазами и какими-то карикатурными усами.

Сил не было ни на удивление, ни на испуг. Конечности перестали слушаться.

Мужчина страшно улыбнулся, направляя на нас пистолет.

Когда прозвучал выстрел, а рядом со мной повалился Вадим, я даже закричать не смогла.

По щеке лишь скатилась одинокая слезинка, и сознание провалилось в пустоту.

Глава 4.

От автора

Дорогие мои,

прошу прощения за задержку с продажами, обстоятельства сложились так, что мне пришлось заняться здоровьем. Муж всегда угрожает, что меня свалит недосып, но аппендицит оказался быстрее))) А потом еще и в больницу запретили взять ноутбук(((Но творческий порыв не остановить, поэтому довела главу до ума на телефоне и с радостью делюсь с вами.

Надеюсь, скоро оказаться дома и вернуться в прежний ритм))

Всех люблю:) Спасибо, что читаете и ждете!####

Перед глазами мелькали странные образы и неясные темные фигуры. Хотелось укрыться, забиться в угол, исчезнуть, но я не могла пошевелиться.

Зловещие тени стягивались ко мне со всех сторон, вызывая леденящий ужас. Бесконечная тьма была наполнена пугающим шёпотом и приглушённым звуком шагов. Каждый шорох отзывался болью и страхом. Казалось, пространство смыкается вокруг плотной паутиной, лишая свободы.

Но вдруг тени отступили, притаившись по углам. Посреди этого хаоса появился он. Мужчина, который пришел не защитить, а напугать еще больше. Но почему-то он казался единственным источником света во мраке.

«Если ты соврала, я приду за тобой...»

Распахнув глаза, я резко подскочила.

На кровати.

В своей комнате, залитой ярким солнечным светом.

Невольно зажмурилась. Глазам нужно было время, чтобы привыкнуть, но даже сквозь закрытые веки пространство казалось слишком ярким.

Снова огляделась, опасаясь, что все это мне померещилось. Соскочила на пол и принялась метаться по квартире, не до конца веря в происходящее.

В приступе паранойи выбежала на лестничную клетку.

Все, как всегда.

Мой дом. Моя квартира. Привычный вид за окном.

Ничего не понимаю.

Я ведь только что была в каком-то подвале с Вадимом. А потом...в него стреляли.

Не могло же это оказаться сном?

Или могу?

Бросилась к тумбочке, где обычно оставляю на ночь телефон.

Пусто.

Снова стала мерить шагами квартиру, заглядывая в каждый ящик, обшаривая каждую полку.

Безрезультатно.

Побрела на кухню, чтобы взглянуть на часы. Полдень.

Что мне это даёт? Ничего.

Ноутбук я оставила на работе (хоть что-то я помню), телевизора в квартире нет.

Стучаться к соседям с воплем “Какой сегодня день?”

Представляю, что потом бабульки на лавочке обо мне говорить будут.

Запарила две ложки растворимого кофе, отвратительно мерзкого, но на удивление бодрящего. Аппетита не было совсем, поэтому даже не пыталась заглянуть в холодильник.

Меня съедала странная тревога, которую надо было срочно понять, а еще полная растерянность от того, что реальность и иллюзия перемешались в голове.

К концу своего недозавтрака я поняла несколько вещей.

Первое - придётся отложить мое сумасшествие и сходить на работу. Мне нужен ноутбук и, возможно, оправдаться за прогулы.

Второе - нужно купить телефон и позвонить родителям. Я хочу знать, не связывалась ли с ними Дина.

Третье - сделать анализ крови. Даже, если подвал мне привиделся, сестре не впервой подмешивать мне какую-то гадость. Возможно, именно в этом кроется причина такого странного сновидения.

Много вопросов так и осталось без ответа. Но все же мне стало чуть легче, когда появился план. Хаос и сумбур были не в моей природе. Возможно, именно поэтому я так полюбила историю. Там все понятно, обосновано и известно, чем кончится.

Надеюсь, директор меня еще не уволила. Женщина она у нас резкая. Представляю, с каким удовольствием Марина Васильевна будет отрывать мне голову, если я на работу не вышла.

Наскоро умывшись, натянула бежевые классические брюки и легкую белую блузку и отправилась в гимназию. В свое время мне повезло снять квартиру рядом с работой, так что через десять минут я уже была на месте.

Здравствуйте, Ульяна Константиновна! - приветливо поздоровался наш бессменный охранник - дед Савелий.

Ему было под восемьдесят. Савелий Палыч очень гордился, что при нем сменилось три поколения учеников, и сам просил звать его "дедом". В общем, дед Савелий был чем-то вроде местной визитной карточки.

- Добрый день! - улыбнулась я натянуто, проскользнув в коридор, который вел в мой кабинет.

Впервые за год работы я не остановилась переброситься с ним парой фраз, от чего было жутко стыдно.

Но сейчас я была не способна на светские беседы.

Оказавшись у себя, я облегченно выдохнула, с огромным удовольствием, впитывая знакомую обстановку. Все на своих местах. Все правильно. Все предсказуемо. *Мой мир.*

Тут же оказалась рядом с ноутбуком, нетерпеливо, включая его.

Суббота. Сегодня суббота?!

Но вчера ведь был... четверг? Не помню точно.

И если похищение мне привиделось, как могли целые сутки выпасть из жизни?

Бред какой-то.

Черт!

У меня же три урока в пятницу!

Мне точно конец.

Нужно бежать к директрисе и со слезами падать в ноги. А иначе придётся искать новое место, а я уже привязалась к своим забиякам.

Перед тяжёлой металлической дверью приемной я несколько раз отрывисто вдохнула прежде, чем войти.

Секретаря не оказалось на месте. Да уж, даже свидетелей расправы не будет...

Не оттягивая неизбежного, постучала в дверь кабинета директора.

- Да, - раздалось в привычной отрывистой манере.

- Марина Васильевна, добрый день! - я неуверенно вошла и от волнения начала тараторить. - Простите пожалуйста за беспокойство! Я просто хотела объясниться насчет вчера. Я заболела и не смогла...

- Да поняла я, - перебила она. – Но можно было мне лично сообщить, а не через охранника.

- Что, простите? – растерялась я.

- Ты пробежала мимо приемной. Я мельком заметила, потому что обе двери открыты были. Нужно было зайти и сказать, что плохо тебе. Что я, зверь какой-то? Прислала охранника новенького, он бедный чуть в обморок не грохнулся, пока объяснил, что к чему.

- Так я приходила вчера...

Это не было вопросом. Скорее комментарием самой себе. Голова раскалывалась, мешая думать. Одно дело, не помнить день недели. Но я не могла забыть, что пришла на работу, а тем более говорила с каким-то охранником.

Я была там, где меня не было.

Слишком знакомая ситуация. Это наверняка *она*.

Внутри все оборвалось. Дина знает, где я работаю. Но чего она добивается?

- Ульяна, ты в сознании? – выдернул из мыслей резкий окрик. – Когда на работу выйдешь?

- Марина Васильевна, можно я вам завтра сообщу? Пока не знаю, как буду себя чувствовать.

- Ладно. Только не забудь. Если все серьезно, открывай больничный. Неофициально только пару дней могу потерпеть.

- Да, конечно, спасибо большое.

Я словно в трансе покинула кабинет, не представляя, что делать дальше. Меня выдернули из жизни непонятно зачем, а потом зачем-то вернули обратно. Дина объявилась и снова выдает себя за меня.

Но главный вопрос: действительно ли я была в том подвале или меня заставили так думать? Мог ли Вадим быть лишь галлюцинацией?

Черт, я бы сейчас предпочла быть ненормальной, которая не помнит, что ходила на работу вместо того, чтобы смотреть в глаза правде.

Но я должна.

- Ульяна Константиновна! - окликнул меня уже на крыльце молодой парень в форме охранника. - Вот, вы вчера забыли.

Он протянул руку и в ладони его лежал мой телефон.

- Забыла? - я смотрела на бликующий экран, как на что-то чужеродное, не в силах пошевелиться.

- Да, когда подошли познакомиться со мной, - бодро ответил парень, не замечая моего ступора.

- Д-да, спасибо большое! - вымучала улыбку, забирая, наконец, телефон.

Оказавшись дома, я стала кругами ходить по комнате, хватая себя за волосы.

Дина не просто навела обо мне справки, она была в моей квартире и забрала телефон. Может тогда и подсыпала что-то?

Или... вколола.

Сбросив блузку стала судорожно искать след от укола.

И нашла.

Ровно там, где уколол меня в подвале Вадим.

Или я *думаю*, что это был Вадим?

Приглашаю вас в еще одну новинку нашего литмоба от *Наташи Айверс*: <https://litnet.com/shrt/KqJd>

НЕСМОТРИ

Глава 5.

Успокоиться, Ульяна. Ты должна успокоиться...

Как бы не так.

Никакие внутренние уговоры и сделки с самой собой не помогали. Вот уже второй час, пряча нетерпение за скрупулёзностью, я осматривала квартиру, пытаюсь понять, к чему могла прикасаться Дина. Пропало ли что-то? А может наоборот – появилось?

Я не знала, чего ожидать от сестры, поэтому доведенное до истерии воображение подбрасывало самые мрачные варианты.

В момент, когда я уже откровенно трясущимися руками, без разбора вытряхивала на пол содержимое ящиков, стало понятно, что так продолжаться больше не может.

Выпрямившись, встретила с отражением в зеркале туалетного столика. И не смогла узнать в девушке напротив себя. Бледная, напуганная, под глазами синяки...

Я не просто боялась, я была в ужасе.

Дина могла лишиться меня работы, втянуть в криминал или попросту свести с ума. И это не просто оборот речи. С тех пор, как я вернулась домой в четверг, моя жизнь перевернулась с ног на голову, осыпавшись тысячей кусочков паззла. И у меня никак не получалось собрать картинку воедино.

А еще, по непонятной причине, я не могла выбросить из головы мужчину, который держал мою руку в темноте. Его раскатистый голос. Его ярость. И его боль.

Я не могла поверить, что Вадим – лишь плод моего воображения. Но, с другой стороны, если он реален, это значит, что он мёртв. Как бы Вадим ни пугал меня, смерти ему я не желала. Уж лучше думать, что я свихнулась, чем о том, что человек погиб, оставив ребенка, которому нужна помощь.

Маховик мыслей вновь стал раскручиваться, затягивая в бездну, поэтому я решила переключиться.

Собиралась же родителям позвонить. Самое время.

Сначала прослушала огромное количество гудков, так и не дозвонившись до мамы. Есть у нее привычка ставить телефон на вибрацию, а потом забывать в самых неожиданных местах, из которых эту самую вибрацию услышать невозможно.

Но именно сейчас я была не против. Мерные переливы гудков расслабляли напряженные нервы, переключая ход моих мыслей. При воспоминании о маме вдруг стало тепло, и невольная улыбка заиграла на губах.

- Мамочка моя..., - прошептала я, глядя в никуда.

Папа трубку взял почти сразу.

- Ульяша, привет, - обрадовался он.

- Привет, папуль, - родной голос словно укутал меня в надежные объятия. – Как вы там?

- Да все хорошо, дочь. Мама к соседке побежала, проверять, не успела ли она первый урожай помидоров собрать раньше нас.

Я рассмеялась.

- Извечные огородные баталии?

- Ага, - было слышно, что папа тоже улыбался. – А я вот одну приبلуду интересную собираю. Приедешь – покажу.

- Очередной модернизированный проигрыватель? – я знала своего папу и его любовь к громкой музыке всегда и везде.

- С шикарным звуком и беспроводной, - гордо заявил он.

- Папуль, для такого блютуз колонки давно придумали, - подколола я.

- Ну-ка, цыц. Купить любой дурак может. Самому интереснее. А как твои дела, Ульяша?

- Не знаю, - честно ответила, сникая. – Пап... Скажи: Дина не выходила на связь?

- Почему ты спрашиваешь? – напрягся папа.

- Мне показалось, что я видела ее рядом с моей школой, - да я врала. Да, мне было стыдно. Нет, я не могла сказать правду. Сестра всю юность выставляла меня идиоткой, поэтому в рассказ о переодевании повзрослевшей Дины в меня, он точно не поверит.

- Дина приезжала на той неделе, - осторожно заговорил отец. – Мы посидели, пообщались, а на утро она уехала. О тебе спрашивала. Мы рассказали, что ты работаешь учителем в гимназии.

Внутри все оборвалось. Восемь лет... Её не было восемь лет.

Ни звонков, ни сообщений.

И вдруг Дина приехала домой, любезничала с теми, кого ненавидит всем сердцем, и узнавала обо мне.

Что она задумала? Почему сейчас?

- Ульяша? – окликнул папа, когда я перестала отвечать, задумавшись.

- Прости, папуль, я тут.

- Думаю, ты обозналась, дочь, - продолжил он. – У Дины работа в Москве, и ей нужно было вернуться.

Да уж, конечно.

Вернуться...

Вынюхать ей надо было. И Дина с этим мастерски справилась.

- Наверное, папуль, - ответила вслух то, во что не верила. – Ладно, пойду я тесты проверять. Передашь маме привет?

- Конечно, Ульяша, - трепетно произнес отец. – Целую тебя.

- И я тебя, пап.

Кто-то посчитает, что я драматизирую. Кто-то решит, что я слабачка и не могу постоять за себя. Но мне плевать. Этот кто-то не был объектом издевательств Дины. А я была.

И если через столько лет она всё еще не оставила намерение уничтожить мою жизнь – это уже пахнет одержимостью. И это то, с чем мне точно не справиться.

Нужно срочно собирать вещи и искать работу в другом городе. Как можно дальше отсюда. Желательно, чтобы его вообще на картах не было.

Открыв ноутбук, села за стол, в поисках вариантов. Нужно было найти школы с подходящей вакансией и квартиру на первое время.

Но сосредоточиться не получалось. Стены давили, с каждой секундой сжимаясь теснее. Мне слышался шепот по углам, настойчиво скандирующий имя сестры.

От отчаяния я зажала ладонями уши, выкрикнув вслух:

- Оставь меня в покое!

Схватила ноутбук с телефоном и выбежала из квартиры, громко хлопнув дверью.

Я неслась, не разбирая дороги, пока не поняла, что вышла к аллее недалеко от дома.

То, что нужно.

Присела на свободную скамью, снова открывая ноутбук. Но тут мое внимание привлек странный силуэт.

Повернув голову, я увидела мужчину.

Подсознание мгновенно забило тревогу, пока воспаленный мозг слишком медленно обрабатывал сигналы.

Что-то неуловимо знакомое промелькнуло в этом человеке, тут же ускользая от внимания.

Я видела его раньше.

Видела эти бесцветные глаза.

В памяти вновь возник подвал и единственное пятно света, в котором показался страшный мужчина, направляющий на нас пистолет.

Усы... Они были на удивление дурацкими. Сейчас их нет.

Но я уверена, что не ошиблась.

Это тот, кто убил Вадима.

Убийца есть, но вот была ли жертва? Скоро узнаем (или нет).

А пока приглашаю вас, дорогие, в историю Дамиры Славской, которая точно не оставит равнодушными.

Палач. Под прицелом его тьмы - <https://litnet.com/shrt/Dh5Y>

Глава 6.

Он понял, что я его узнала.

Суетливо развернулся и пошел прочь.

Что я должна была сделать?

То же самое.

Оказаться подальше от похитителя и убийцы.

Еще вчера я, вероятно, так бы и сделала. Но сегодня, на этой скамье, мне нужно выбрать меньшее из зол. И это точно не неведение.

Наплевав на ноутбук, подскочила на ноги и бросилась вслед за мужчиной.

Главное – остаться в людном месте.

Нужно привлечь внимание, заставить выслушать. Но как?

- Стойте! – закричала ему вслед. – Если вы не расскажете мне, что происходит, я отнесу ваше фото в полицию и напишу заявление о похищении!

Я все еще не была до конца уверена, что время, проведенное в подвале, не было бредом. Но не мог же в моей голове на ровном месте возникнуть образ реального незнакомого мужчины? Значит, я видела его. *Наверное.*

В любом случае, все, что мне оставалось – уповать на остатки своей адекватности. Ну или хотя бы сделать вид, что она есть.

После моего выкрика мужчина остановился и медленно обернулся.

Я отчаянно пыталась отдышаться, не спуская с него глаз.

- Послушай, девочка, - опасным шепотом начал он, прищурившись, - прежде, чем угрожать взрослому дяденьке, убедись, что преимущество на твоей стороне, - мужчина нависал надо мной опасной глыбой, заставляя внутренности холодеть. – Я говорю с тобой только потому, что меня это забавляет. Но поверь, стоит тебе лишь подумать о том, чтобы сдать меня – ты будешь мертва. Я доступно объяснил?

Казалось, что злобные глаза покрылись коркой льда, источая запредельную жестокость. Вся его напряженная фигура говорила о готовности наброситься в любой момент. Опасность, исходящая от этого человека, заставляла непроизвольно сжиматься, желая занять как можно меньше места в его поле зрения.

Я верила в угрозу. Он мог бы убить меня прямо сейчас и пойти есть круассан в кофейню, как ни в чем не бывало.

- П-простите, - еле слышно выдохнула. – Я просто хочу знать: зачем это все? Зачем меня бросили в тот подвал? Зачем вернули? И... зачем вы убили Вадима?

- Вадима? – переспросил похититель с недоумением.

- Да, тот мужчина, что был со мной.

- Значит так. Просто, чтоб ты отвязалась. Я вообще не в курсах, зачем тебя надо было дергать. И собственно, мне похер. Меня попросили – я сделал. И получил кучу бабла. А что до Вадима. Я не убивал его.

- Так значит, он жив? – не могу объяснить, но в сердце вдруг загорелась крохотная искорка надежды.

- Ты не поняла, девочка. Не было никакого Вадима. В подвале ты была *одна*.

Что?

Я застыла на месте, прокручивая в голове его слова.

«Не было никакого Вадима...»

Похититель уже давно растворился в толпе, но мне было не до этого.

Я чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег. Отсутствие кислорода. Паника. И полное непонимание происходящего.

Как это не было? Я же слышала его. Говорила с ним. Чувствовала присутствие.
Как такое возможно?!

Что это? Галлюцинации от препарата? Или обман воображения от ужаса?

Значит, я была одна. Переживала свой самый страшный кошмар. И выдумала защитника. Даже не так. Я выдумала носителя силы. И ярости. Ведь именно благодаря этому я не сломалась. А потом совершенно логично объяснила своему сознанию, почему больше не увижу этого мужчину, нарисовав картину его смерти.

Я много часов своей жизни провела у психоаналитика. И в курсе, что наше подсознательное еще не на такое способно, чтобы защитить психику от перегрева.

Только почему так сложно смириться с тем, что *его* не существует?

Нужно уезжать. Немедленно. Не важно куда. Главное – сесть в автобус, а лучше – в самолет и оказаться так далеко отсюда, как это возможно.

Вернувшись к скамье, обнаружила, что и ноутбук, и телефон на месте. Да, сознательные у нас нынче граждане. Собрала все в охапку, нехотя разворачиваясь в сторону дома.

В квартире все казалось теперь чужим. Зловещим. Будто тихая гавань вдруг обернулась опасной заводью, наполненной монстрами.

Опасливо, окинула взглядом пространство, глубоко вдохнула и бросилась к шкафу с одеждой.

Конечно, все взять у меня не получится. Гардероб мой не особенно большой, а вот посуды и всяких безделушек – навалом. Ну и конечно, книги. Небольшая историческая коллекция. Я собирала ее с огромным трепетом и всегда могла спрятаться там от любых неурядиц. Читая о стратегических схемах великих правителей, я вдохновлялась, чувствуя, что в этой жизни возможно все, пока капитуляция не объявлена.

А что сейчас делаю я? Сдаюсь?

Скорее всего. Ведь в ином случае, мне не пришлось бы, скрепя сердце, бросать то, что успела полюбить.

Со слезами на глазах, упаковывала вещи, отдельно выбирая то, что возьму с собой. К вечеру я валилась с ног, но растревоженные нервы не давали уснуть, поэтому продолжала до тех пор, пока не отрубилась прямо на полу среди коробок.

Где-то на краю сознания мелькнула мысль выключить свет. С огромным усилием поднялась на ноги, добрела до выключателя и, погрузив комнату в темноту, поплелась к кровати.

- А я думал, ты при свете спишь, - разрезал тишину властный голос.

Я подскочила на месте, окончательно придя в себя, и увидела большую темную фигуру у окна. Мужчина стоял спиной, но вид его ничего бы мне не сказал. Но голос... Этот голос я узнаю, где угодно.

- Вадим? – неверяще произнесла я.

- Дай угадаю: ты уже начала верить, что сходишь с ума, – насмешливо отозвался он.

- Но тот мужчина..., - я окончательно растерялась, - он сказал...

- Закрой глаза, - перебил Вадим.

- Зачем?

- Закрой глаза, Ульяна, - бархатным шепотом велел он. Ослушаться не получилось.

Стоило зажмуриться, как воздух возле меня всколыхнулся. За спиной стало ощущаться чужое присутствие. На плечи легли тяжелые ладони, обжигая прикосновением.

- Скажи, я похож на иллюзию? – тихо спросил Вадим, слегка задевая мое ухо губами.

- Я не знаю, - выдавила из себя. Мысли никак не собирались во что-то внятное.

Вадим провел ладонями вниз, а затем переместился на мою талию, крепко прижимая к своему телу.

- А теперь? Ты чувствуешь меня? – он потерся щекой о мою макушку.

- Да, - пересохшие губы отказывались шевелиться.

- Чувствуешь мой запах?

Я втянула носом воздух, заполняя легкие ароматом мускуса и сандала.

- Да.

- Умница, - довольно произнес Вадим, обходя меня. – А теперь можешь смотреть.

Казалось невероятным то, что я наконец увижу его. Но мне отчаянно этого хотелось. Чтобы ухватиться за реальность. Чтобы самой убедиться, что не схожу с ума.

И я открыла глаза.

- А-А-А-А! – не смогла сдержать крик.

Передо мной стоял мужчина без лица.

Без. Лица.

Я подскочила на полу, разбуженная настойчивой трелью дверного звонка. За окном вовсю светило солнце. Ночь закончилась. Но мне почему-то так не казалось.

Ну что, дорогие, вы еще не запутались? Потерпите немножко, еще пару событий перевернет все с ног на голову. А там уже будем разбираться))

А пока приглашаю в еще одну загадочную историю от прекрасной Вивиен Ли)

В ЛОВУШКЕ - <https://litnet.com/shrt/RwnN>

В

Глава 7.

Липкие щупальца кошмара никак не отпускали.

Умом я понимала, что это был лишь сон, но тело все еще сотрясалось от ужаса, словно я до сих пор смотрела на безжизненное пятно, которое должно было быть человеческим лицом.

Пока собиралась во что-то цельное, не сразу заметила, что звонки в дверь прекратились.

- Ну и прекрасно, - пробубнила сама себе. – Не до гостей сейчас.

Поднялась с пола, окидывая взглядом свои вчерашние старания. Да уж, стресс – двигатель прогресса. А точнее, работоспособности. Под чистую все смела.

Дело за малым – понять, куда ехать.

Не зря умные люди говорят: утро вечера мудренее.

Несмотря на затекшие конечности и боль в спине после сна на полу, я уже не чувствовала того черного отчаяния, что владело мной вчера. Поэтому, сделав кофе и пару бутербродов, с ясной головой включила ноутбук, чтобы просмотреть учительские вакансии.

Может на север податься? Нефтеюганск, например.

Дина туда точно носа не сунет.

Хотя ей не понадобится. С моим иммунитетом и везением, я там в первые же полгода от пневмонии умру.

Хм, а вот Киров... Вроде неплохо.

Пока грузился сайт с авиабилетами, я довольно попивала кофе, начиная, наконец, верить, что все наладится.

Сколько раз зарекалась не радоваться раньше времени...

Моё внимание привлек странный звук.

Детский плач.

Насколько я знала, ни у кого из ближайших соседей маленьких детей не было и не планировалось. Может, конечно, гости приехали с ребенком...

Вот только было ощущение, что звук раздаётся прямо за моей дверью.

Бред.

Я пыталась выкинуть эту мысль из головы. Но малыш все не успокаивался, поэтому, вскочив на ноги, я побежала к выходу.

Глубоко вдохнула и распахнула дверь квартиры, подсознательно понимая, *что* увижу.

На лестничной клетке никого не было. А у моего порога стояла большая дорожная сумка, застеленная внутри одеялом, в которой, разрываясь от криков, лежал младенец.

- Да твою ж..., - даже выругаться до конца не получилось.

Надеясь, что всё же свихнулась, я закрыла дверь и открыла ее снова.

Картина не поменялась.

Опомнившись, подхватила ребенка на руки и принялась успокаивать.

- Чшшш, - старалась звучать спокойно. – Тише, малыш. Всё хорошо. Я тебя не обижу.

Это не работало. Казалось, что он стал рыдать еще громче, когда понял, что его слушают.

- Что такое? – я учитель средних классов, откуда мне знать, что делать с теми, кто памперсы носит? – Маленький, что такое?

Мамочки, у меня в руках чужой ребенок, полнейший аврал в квартире, а про жизнь свою я вообще молчу!

Может добровольно в дурку сдать?

- Так... Ладно, маленький. В конце концов, мы в двадцать первом веке живем.

Стараясь не терять рассудок от жалобного плача, перехватила малыша одной рукой и вбила в поисковик: «Что делать, если плачет младенец?»

Совет первый: проверить подгузник. Собственно, логично.

Уложила ребенка на диван, аккуратно стащила ползунки и сняла увесистый подгузник. Что ж, у меня мальчик. Который, кстати, так и не перестал орать.

Кожа между ножек была раздраженной. Видимо, это те самые опрелости, про которые в рекламе детского крема говорят. Бедненький.

С мелкой сиреной на руках стала рыться в косметичке, выискивая крем, которым я обычно мажу обветренные губы.

- Нашла! – радостно воскликнула, и тут же почувствовала, как по мне поползло что-то теплое.

Взглянула вниз на стекающую струю этого мини снайпера, который на секунду даже затих, рассматривая дело рук своих.

Точнее, не совсем рук...

- Отлично. Просто отлично, - причитала я, уставившись на расплывшееся пятно.

В душ надо бы. Только куда девать мальчика? Не на полу же оставлять.

А есть варианты?

Схватила сумку, в которой его принесли и поставила перед душевой кабиной.

- Зайчик, побудь здесь две минутки, я быстро.

Наскоро сполоснувшись, накинула легкий халат и подняла малыша на руки.

- Какой ты молодец! – улыбнулась, чмокая лысоватую макушку. – Давай-ка мы, наверное, и тебя помоем.

С горем пополам сняла с мальчишки футболку, облила его из душа со всех сторон и завернула в большое полотенце.

- Купаться любишь, да? – с умилением заговорила с притихшим малышом.

Лежа на руках, он стал тереть кулачками глаза и зевать. Поэтому я, совершенно неловко и, наверняка, странно, принялась его укачивать, но, к моему удивлению, это сработало.

Павда, когда попыталась переложить мальчишку на диван, он тут же возмущенно насупился и начал похныкивать.

- Нет-нет, только не снова! – дёргано зашептала я, вернув своего требовательного гостя обратно на руки.

Осторожно села на диван, удерживая телефон практически силой мысли. Статью о причинах плача так и не дочитала, потому что перескочила на топ вещей, которые нужно купить младенцу. И, под давлением авторитетных мамских советов, сделала самый большой в своей жизни заказ на доставку из супермаркета.

Засмотрелась на спящего малыша. Такой сладенький. Щечки пухленькие. Улыбается во сне своими двумя зубками. Точно – зайчик.

Что делать-то мне с ним?

Заявить в полицию, что ребенка подкинули?

Так его сразу в дом малютки заберут.

Но не могу же я его просто оставить? Как минимум, нужны документы, прививки, ну и что там еще младенцам положено. Да и не уверена я, что готова к детям.

Кто вообще додумался оставить малыша под чужой дверью? Неужели родители?

Стоп.

Ульяна, ты идиотка.

Дина, похищение, и чужой ребенок на пороге.

Не бывает таких совпадений.

В голове тут же зазвучал гневный голос:

«- *Моего сына похитили два дня назад. И ты здесь. Значит, тоже как-то связана с тем дерьмом, что происходит. И я хочу знать – как.*

- *Ты не ответил, сколько лет сыну.*

- *Шесть месяцев...»*

Я клялась, что не имею к этому отношения, а теперь у меня в руках младенец, который вполне может быть тем самым ребенком.

Нет.

Замотала головой из стороны в сторону, чувствуя, как жар окутывает тело.

Откуда взяться ребенку, если Вадим лишь моя фантазия?

А если он все же реален, зачем похитителю врать мне?

Это все какой-то сюр.

Этого просто не может быть.

Не со мной.

Я не могу увезти чужого ребенка. Но и бросить маленького не могу.

Обреченно вздохнула, принимая решение.

Значит вместо того, чтобы бежать, куда глаза глядят, мне придется искать человека, которого я ни разу *не видела*. Человека, который может оказаться лишь голосом в моей голове.

Посмотрела в окно, задерживаясь взглядом на яркой вывеске.

Кажется, я знаю, с чего начать.

Глава 8.

В голове я уже раз сто прокрутила план. Не терпелось начать действовать, потому что времени было мало. Чем дольше я остаюсь здесь, тем ближе подбирается Дина.

Правда, всё так и оставалось на этапе планирования, ведь одно маленькое обстоятельство никак не хотело слезать с моих рук.

За тот час, что малыш спал, я изучила несколько десятков статей на тему ухода за младенцем. Так что в теории знала, как мыть, чистить нос, делать гимнастику, вводить прикорм. Но самое главное - как и сколько должна буду заварить детской смеси после пробуждения.

Я наивно полагала, что подготовлена к следующей встрече...

Уверенность пошатнулась неприлично быстро. Как только малыш проснулся, принявшись верещать пуще прежнего.

Боже, пусть всё дело будет в голоде! Я вот, когда голодная, тоже не самый приятный собеседник...

- Сейчас, маленький. Сейчас тётя Ульяна сделает вкусняшку.

С первого раза вкусняшка не получилась.

Оказалось, что малыши (ну этот конкретный так точно) весьма чувствительны даже к незначительной разнице температур. Пришлось сильно постараться, чтобы смесь приобрела тот оттенок теплого, который устроит капризное высочество.

С каждой секундой малыш всё громче плакал, а я все сильнее злилась.

Мозгами-то я понимала, что мальчишка ни в чем не виноват, поэтому старалась не показывать раздражения. Но видя, как он раз за разом выплевывает соску от бутылочки вместе с содержимым рта, не могла оставаться спокойной.

Мне срочно нужно разыскать его отца и бежать из города. А я, вместо этого целый час потратила на то, что должно занимать несколько минут. *В теории.*

Нет, так ничего не получится. Если я буду таскать карапуза с собой – толку не будет. Да и небезопасно это. Мало ли что. Ведь за маленьким тоже может кто-то охотиться.

Хоть мальчишка и не съел положенного, он, кажется, умудрился насытиться.

Изменился до неузнаваемости, перестал кукситься и стал настоящим улыбчивым зайчиком, расплавляя мое сердечко до самого позвоночника. Все переживания и раздражение словно испарились. Казалось, что время замерло в этом моменте. Невозможно было не улыбаться в ответ. Малыш был таким чистым и милым, что всё вокруг становилось светлее.

Невольно вспомнила его сурового отца.

Интересно, какой Вадим наедине с сыном? Дарит ли он малышу ласку или сухо интересуется делами и уходит?

Даже не знаю, откуда взялись такие мысли. Наверное, этот лучезарный мальчик просто не вяжется в моей голове с образом своего озлобленного отца.

А может было что-то еще. То, что я не хотела признавать.

Что я зачем-то искала в этом мужчине человечность.

Потому что в подсознании моём он навсегда запечатлен как тот, кто не позволил потерять себя в темноте...

- Сладкий, я не могу взять тебя с собой, - возвращаясь в реальность, проговорила, чувствуя тяжесть в груди. – Но я познакомлю тебя с одной милой бабуленькой, которая немного с тобой поиграет, пока тетя Ульяна поищет твоих родителей.

Баба Роза была, наверное, единственным человеком, с которым я общалась вне работы. Не знаю, как так вышло. После детства полного подлянок, я стала достаточно закрытым человеком. Иначе было нельзя. Когда никого не подпускаешь близко, нож до спины не дотянется. Но вот резвая бабулька из квартиры напротив с первого же дня пробила мою броню.

У нее можно было многому научиться. Мудрости, жизнелюбию, оптимизму. В компании Розы Маратовны я ощущала себя почти, как дома. Поэтому часто пекла что-нибудь вкусненькое и звала ее на чай.

Баба Роза много рассказывала мне о своих пятерых детях, восьми внуках и правнуке. Поэтому я и решила, что лучше варианта мне не найти. Своей соседке я доверяю. И опыта у нее хоть отбавляй. Главное, чтобы самочувствие не подкачало, а то у нее в последнее время давление неприлично шалит.

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления.

Кое-как собравшись, схватила пакет со всем, что купила для малыша, и уже через две минуты стояла перед дверью бабы Розы.

Как мне все это объяснить...

- Кто там? – раздалось из-за двери.

- Роза Маратовна, это Ульяна, - волнуясь, отозвалась.

Тут же послышалось шелканье замков и скрип старой массивной двери.

- Улечка, девочка моя..., - начала она с улыбкой, но застыла, обнаружив, что я с сюрпризом на руках. – Будет какая-то интересная история? – тут же нашлась баба Роза.

Да, собственно, а что мне скрывать?

- Ну, историю не обещаю. Малыша оставили у моей двери. Ни записки, ни вещей, - выпалила я.

- Ужас-то какой! Как можно ребенка вот так, как кота дворового подкинуть?! – всплеснув руками, начала причитать Баба Роза.

- Я хотела сбегать в магазин напротив, - нужно было скорее переходить к сути. – У них там камера на улице висит. Может получится увидеть того, кто принес ребенка.

- А потом что, в полицию пойдешь? – слегка прищурилась соседка.

Но вот это уже знать ей не стоит.

- Не знаю, Роза Маратовна, - пролепетала растерянно. – Я сейчас в шоке и просто хочу сделать хоть что-нибудь. А потом разберемся.

- Понимаю, девонька, - с сочувствием посмотрела на меня она. – Хочешь мне его пока оставить?

- Роза Маратовна, ну вот откуда вы все знаете? – улыбнулась я, видя торжествующее выражение на лице соседки.

- Из богатого жизненного опыта. Ладно, давай карапуза. Пригляжу, конечно.

- Спасибо Вам огромное! – никакие слова не смогли бы выразить мою признательность. – Я постараюсь вернуться скорее.

- Не переживай, Улечка, - отмахнулась баба Роза, забирая малыша, - я таким гостям всегда рада.

Чувство облегчения отступило, как только я пересекла порог магазина.

- Здравствуйте! – приветливо поздоровалась, натываясь на взгляд продавщицы, которая, судя по всему, задолбалась еще до начала рабочего дня.

Она окинула меня презрительным взглядом, не удосужившись процедить даже какое-нибудь худо-бедное «Здрасьте».

Да уж, и как просить у нее записи?

- Что брать будете? – с тяжелым вздохом спросила она, явно меня подгоняя.

- Простите пожалуйста, - начала я, - мне очень нужна помощь.

- Бухло в долг не даю. Плати или иди, - брезгливо заявила женщина.

- Нет, я не за этим, - старалась держаться спокойно. – Дело в том, что я живу в доме напротив...

- Поздравляю, - перебила продавщица язвительно.

- Сегодня утром у моей квартиры оставили ребенка, - пропустила выпад мимо ушей. – Ему еще и года нет. Я хотела попросить вас дать мне взглянуть записи с камеры наблюдения на улице. Вдруг там видно, кто принес ребенка.

Женщина на секунду застыла и нахмурилась.

- Не знаю, чего ты добиваешься, но шла б ты отсюда, - наконец выплюнула она.

- Пожалуйста! – взмолилась я. – Вы – моя единственная надежда!

- В полицию иди с этой сказкой, а они пусть приходят официально за записями.

- Да поймите, у полиции, наверняка, дел полно! Когда у них руки дойдут до этого? Сколько младенец пробудет в детдоме?!

- Меня это не касается, - безразлично заявила продавщица, поднимая во мне волну отчаяния.

- Кристка, не будь стервой, - раздалось вдруг из середины помещения. – Пusti девушку. Под мою ответственность.

Из неприметного угла вышел мужчина лет сорока в форме охранника. Выглядел он куда приветливей «Кристки».

- Олежа, тебе больше всех надо? – противно взвизгнула она.

- Людям помогать надо, - усмехнувшись, отозвался охранник. – Идите за мной.

Пары минут хватило, чтобы понять – половина моего подъезда находится в слепой зоне камеры. Мы увидели ту самую сумку, которую около семи утра заносили в дом, но человека на записи видно не было. Только руку, по которой стало ясно, что это – мужчина.

- Простите, - участливо заговорил охранник. – Хотел бы я помочь...

- Спасибо, - проговорила я и собралась уйти, но шальная мысль заставила задержаться. Да, собственно, а что я теряю? – На самом деле, вы еще можете. Сохранились ли здесь записи двухдневной давности?

Скоро узнаем, увидит ли Ульяна что-то интересное...

А пока продолжение в пути, приглашаю вас в волнующую историю Фионы Марухнич.

ПРИЗРАК НА НЕБЕ - <https://litnet.com/shrt/wOJ4>

Глава 9.

Знаете, сколько человек зашло в мой подъезд ночью пятницы?

Двенадцать.

Что не так с мягкой теплой постелью, я не понимаю? Зачем в такое время вообще куда-то ходить?

Я-то, прилежная учительница, думала, что мы прокрутим видео на ускоренной перемотке, и единственный человек, который засветится на записях окажется моим похитителем.

Как бы не так.

Тем не менее, момент похищения сложно было не заметить.

Около четырех утра у подъезда припарковался чёрный внедорожник, из которого показались три мужчины.

Они знали код от двери и спокойно вошли внутрь. А минут через семь так же спокойно вышли, с одним лишь только отличием. На плече у самого высокого из них (как раз того, что я встретила вчера в парке) висела девушка без сознания.

- Это что, вы? – ошарашенно спросил охранник, напряженно всматриваясь в экран.

- Судя по всему, - сдавленно проговорила я, наблюдая, как меня запикивают на заднее сиденье и увозят непонятно куда.

- Что они сделали с вами? – участливо допытывался Олег.

- Только напугали, - мне не хотелось вдаваться в подробности. – Но я не знаю, зачем.

- Вы должны заявить в полицию, - твердо сказал он.

- А что я заявлю? - меня начало потряхивать. – Что меня подержали в подвале и вернули обратно в постель? Ни следов, ни побоев, ни угроз, ни требований. Ничего! Даже на этом видео на сто процентов не понятно, что это я вниз головой болтаюсь!

- Ваша правда, - примирительно сказал Олег, видя, мое состояние. – Если хотите, я пробью номер машины.

- А вы можете? – удивилась я.

- У меня есть связи в полиции. Я там работал.

- Много времени это займет? – мне сложно было поверить в такую удачу. Даже не знаю, что делала бы без помощи Олега.

- Нет. Погодите секунду.

Охранник достал телефон и по памяти набрал какой-то номер.

- Козлов, здорово, - бодро заговорил он. – Пропущу светские прелюдии: с меня шашлыки на выходных – с тебя быстрая инфа по одной тачке.

Я плохо слышала ответ собеседника, но, судя по расслабленному лицу Олега, все шло как надо.

- Договорились, дружище. На почту мне всё скинь, ладно? Жене привет, до встречи! – мужчина сбросил вызов, откинувшись на спинку стула, и обратился ко мне: - Дай Витюше пять минут, красавица, и всё будет. Не против, что я на «ты»?

- Нет, конечно, обращайтесь, как вам удобно. Даже не знаю, как вас благодарить, - я с трудом сдерживала слёзы облегчения.

- «Спасибо» скажи, - беззлобно ухмыльнулся Олег. – Работу я может и поменял, но привычка помогать уже не выветрится.

Тому самому Витюше понадобилось меньше пяти минут. И вот мы с охранником синхронно уставились в монитор на загрузившийся файл.

- Что ж, порадовать тебя нечем, - вздохнул Олег. – Машина в угоне. А значит по ней не вычислить никого из тех, кто приходил к тебе.

Он говорил что-то еще, но я почти не разбирала слов. Взгляд зацепился за строчку в отчете, которая выбила почву из-под ног.

Хозяин угнанной машины – Ярский Вадим Дмитриевич.

Вадим...

Совпадение ли это?

Вполне возможно.

Но не проверить я не могла.

- Олег, простите пожалуйста, а мы можем узнать информацию про хозяина этой машины? – я с трудом сдерживала дрожь в голосе. – Может ему что-то известно?

- Сомневаюсь, конечно, что он будет полезен, - охранник задумчиво потер подбородок. – Но попробовать можно.

Пролистав файл до конца, Олег нашел копию заявления, в котором были указаны паспортные данные и прописка Вадима.

- От его лица дела ведет адвокат. Тачка крутая, опять же. Наверняка, этот Ярский – мужик непростой.

С этими словами Олег открыл браузер, вбив в поисковой строке: «Ярский Вадим Дмитриевич».

Страница тут же запестрела заголовками.

«Вадим Ярский – крупный московский бизнесмен из глубинки...»

«Бюро реконструкции Ярского спасает бесценные памятники архитектуры...»

«Вадим Ярский выкупил аварийный торговый центр в Ингушетии...»

«Вертолет бизнесмена Ярского упал в горах...»

- О, Боже, - выдохнула я, читая о том, как пассажиров вертолета искали несколько дней, не надеясь на чудо.

- Да, я вспомнил, как это полоскали в новостях, - заговорил Олег. – Кажется, в той катастрофе погибла его жена. Желтушники всю орали, что Ярский теперь завидный жених.

- Какой кошмар, - мне вдруг стало невозможно жаль этого незнакомого человека. Не важно, тот ли это Вадим, которого я ищу. Он пережил трагедию. Даже представить страшно, что творилось в его душе.

- Ярский родом из нашего города, но давно уже перебрался в Москву, поэтому, вероятно, ты не застанешь его по адресу прописки, - слова Олега расстраивали, но я решила все же попробовать, прежде чем сдаться.

- Может и так, но я съезжу туда. Вдруг повезет. Спасибо, Олег. Без вас бы я точно ничего не узнала.

- Пожалуйста, красавица. Будь осторожна, - серьезно произнес он, внимательно заглядывая мне в глаза.

- Буду, - кивнула и отправилась к выходу.

Через пять минут я уже сидела в такси, которое везло меня в сторону большого частного сектора. Причем, адрес Ярского, видимо, относился к какой-то элитной его части, потому как свернув на нужную улицу, мы уперлись в шлагбаум.

- Позвоните пожалуйста, чтоб нам открыли, - обратился ко мне таксист.

Ага. Интересно, кому?

Чтобы не выглядеть подозрительно, я достала телефон, делая вид, что пытаюсь связаться с кем-то.

- Трубку не берет, - изобразив негодование, отчиталась. – Простите пожалуйста. Выезжайте, чтобы я вас не задерживала, а я пешком дойду.

- Уверены? – не смог скрыть радости таксист. – Ну вообще, тут недалеко – пятый дом от шлагбаума, судя по навигатору.

- Ну вот, тем более. Спасибо вам большое.

Дождалась, пока такси уедет, и поднырнув под шлагбаум, пошла вперед по улице.

Надеюсь, тут где-нибудь не сидит охранник, который любит мое «проникновением» и планирует выставить с территории сильных мира сего.

А я еще и такси отпустила, дура...

На случай, если меня и правда прямо сейчас пытаются перехватить, я ускорила, чтобы успеть попасть в нужный дом. Помня слова Олега о том, что Вадим живет в Москве, я практически не верила в успех своего визита.

А зря...

Как вы думаете, встретит ли Ульяна нужного Вадима?

А может снова случится что-то невозможное?

Скоро узнаем))

А пока представляю вам, мои хорошие, еще одну историю нашего литмоба от Инеи Эвис.

[НЕ] Принц, Ты только мой - <https://litnet.com/shrt/2JxI>

Глава 10.

Оказавшись у гнетущего трехэтажного дома, я на всякий случай проверила – не ошиблась ли адресом.

Нет. К сожалению.

Темный мрамор, которым была облицована большая часть здания, выглядел недружелюбно и заставлял непроизвольно ёжиться от холода даже в летний день.

Скорее всего, если бы мне где-то попалось фото этого дома, я бы оценила необычную архитектуру, строгость линий и стильный минимализм, в котором он был исполнен. Но сейчас, оказавшись перед ним, я чувствую... пустоту. Словно из этого места высосана жизнь, и никакой дизайнер здесь не поможет.

- Давай же, Ульяна, не трусь, - прошептала сама себе, плетясь к воротам.

Интересно, есть ли хоть один шанс, что меня не вышвырнут вон?

Вскинув непослушную руку, собралась нажать кнопку звонка, но ворота вдруг сами стали разъезжаться в стороны.

У них тут датчик движения что ли?

Заглянула во двор и заметила высокого мужчину в строгом костюме. Он собирался сесть в машину, выглядевшую не менее дорого чем та, которая была на записи с камеры. Да уж, при достатке Ярского вообще удивительно, что он заморочился с заявлением об угоне. Наверняка, это скорее дело принципа.

Дверь машины хлопнула, заставив меня соображать быстрее. Если Ярский сейчас уедет, я могу упустить единственную возможность поговорить с ним.

Поэтому, совершенно безбашенно и глупо, выскочила наперерез движущейся машине.

- Стойте! – закричала, раскинув руки в стороны.

Мужчина успел затормозить. Резко.

Ой.

- Ты совсем больная?! – заорал он, выскакивая из машины. – А если бы я среагировать не успел?!

Мужчина, очевидно, ждал объяснений, но слова застряли где-то в горле, придавленные осознанием: *это не он*.

Не он был со мной в подвале. Не этот голос, отражаясь от стен звучал в моей голове.

- Вы – Вадим Ярский? – все, что смогла выдавить из себя.

- Упаси Боже, - буркнул собеседник. – А то пришлось бы дело иметь с такими ненормальными как ты. Я его водитель.

Водитель...

Дура ты, Ульяна. Статью про вертолет читала, а рассмотреть, как Ярский выглядит не додумалась.

Высокий. В костюме. Темноволосый. И всё.

Получи – распишись. Он, оказывается, не один такой на свете.

А еще детей чему-то учишь...

- Простите пожалуйста. У меня к Ярскому важное дело. Могу я встретиться с ним? – умоляюще взглянула на водителя, но тот совершенно не купился.

- Девушка, знаете, сколько здесь бывает таких как вы? Журналистки, любовницы, попрошайки... Если бы всех пускали к Вадиму Дмитриевичу, у него бы на работу времени не оставалось. Советую уйти, пока мы с охраной не помогли вам.

- Вы не понимаете! – я начинала паниковать. – Это касается ребенка!

- Ну-ка пошла отсюда! – резко утратил даже намек на сдержанность мужчина. – И не смей лезть со своим лживым дерьмом к Ярскому!

- Руслан, что происходит? – раздалось вдруг где-то за машиной.

У меня мгновенно свело живот. Внутри сжалась тревожная пружина, а ноги похолодели и приросли к месту.

Вадим...

Его голос. Требовательный. Контролирующий.

Я нашла его.

Я не сумасшедшая.

- Ничего, Вадим Дмитриевич. Очередная мошенница с «ценной информацией», - отозвался водитель.

- Нет, я не..., - осеклась, увидев, как Вадим Ярский показался из-за машины.

Кажется, мои глаза готовы были вывалиться от шока.

- Вы не что? – грубо переспросил Ярский.

Передо мной был крепкий мужчина с широкими плечами и лицом, которое казалось высеченным из камня. Резкие черты. Прямой нос, хмурая складка между бровей, упрямый подбородок, скрытый щетиной. А глаза... почти черные. Говорящие. О боли. О недоверии. *О ярости.*

Всё в нем кричало о силе и нестигаемом характере. И всё это никак не складывалось в моей голове, в ту картину, что я увидела.

Вадим Ярский приближался ко мне, сидя в инвалидной коляске.

- Вадим? – выдохнула я вопросительно.

- Удивлена? – в его глазах отчетливо читалась издевка. – Кто ты такая?

В смысле?

Хотя с чего Вадиму узнавать меня? Мы не видели друг друга, а голос он мог и не запомнить.

- Я – Ульяна. Из подвала.

- Из подвала? – протянул Ярский. – Тогда всё понятно. Рус, вызови-ка девушке машинку с красным крестиком.

- Что? – почти взвизгнула я. – Не нужна мне Скорая! Мы с вами были заперты в подвале! Вы помогли мне не впасть в истерику! В вас стреляли!

- Птичка, - снисходительно заговорил он. - я похож на человека, который может помочь кому-то?

Я внимательно всматривалась в мощную фигуру, скованную креслом, и не верила в его слабость. Этот мужчина излучал опасность и силу, как бы ни пытался убедить меня в обратном.

- Вы не похожи на беспомощного, - выпалила то, что думала.

- Ты не знаешь меня, чтобы говорить это, - почти прорычал он. Но, кажется, у меня еще с прошлого раза выработался иммунитет к его гневу.

- Я узнала вас в темноте, - произнесла чуть слышно.

- Ты хоть понимаешь, насколько бредово это звучит? – опасно прищурившись спросил Вадим. – Я не был ни в каком подвале. И в меня точно никто не стрелял.

По выражению лица сложно было сказать, лжет ли он.

Но если и так, то зачем?

Я надеялась, что Вадим даст мне ответы, а в итоге, вопросов стало лишь больше.

Руслан взял меня под локоть и без лишних осторожностей потащил к выходу за ворота.

Мой мозг пытался обработать совершенно немыслимую информацию.

Я знаю человека, который утверждает, что не знаком со мной. Он должен быть мертв, но даже на раненного Вадим не похож. А еще – коляска. Я абсолютно точно уверена, что мужчина, прижимавший меня к стене в подвале, стоял на ногах.

Но если поверить в то, что я выдумала себе реального Вадима Ярского, остается один маленький нерешенный вопрос.

- Если мы не знакомы, то чей ребенок сегодня спал на моих руках?

Фууух, ну вот как-то так. Честно говоря, мне уже жалко Ульяну. Она-то, в отличие от меня, не знает, что происходит. Будем держать за нее кулачки))

А тем временем, я представляю финальную историю нашего литмоба от Майи Тень: Чудовище. Его кара. Ее возмездие - <https://litnet.com/shrt/VJcP>

Глава 11. (Ярский)

Я всегда терпеть не мог женщин, подобных ей.

Инфантильные святоши, которые невинно хлопают глазками, и ни за что не отвечают даже в своей собственной жизни.

Такие позиционируют себя невинными овцами, но на самом деле они просто слишком слабы, чтобы сделать хоть что-то.

Два дня назад я считал ее причастной к исчезновению Ильи. Думал, она безумная сука, что ведет двойную игру. И кажется, тогда я уважал ее больше, чем, узнав правду.

Ненавижу слабость. И нытье ненавижу.

Когда в жизни происходит дерьмо, человек должен действовать. Выкарабкиваться. А не складывать лапки и биться в истерику.

А она настолько ничего не хотела делать, что была готова довериться незнакомцу, в надежде на спасение.

Долбанная принцесса.

Встретив девчонку у себя во дворе, я удивился искренне. Просто ожидал увидеть ее другой. Более похожей на ту, вторую, которая засветилась на всех камерах в офисе, за полгода, что у меня, оказывается, работала.

И какой идиот сказал, что этих сестер невозможно различить?

Херня полнейшая.

Та, что устроилась ко мне под именем Ульяны Савенко, излучала что-то агрессивно-манящее. И это пробивалось даже сквозь заученные манеры сестры. Как я понял уже позже: мужская половина офиса у нее чуть ли не с рук ела. Девка и ко мне пыталась прыгнуть в койку. Но я, наивный дебил, тогда еще верил в нерушимость брачных уз и отшил ее куда подальше, пригрозив увольнением.

С тех пор Ульяна (которая оказалась Диной) не попадалась мне на глаза, и я забыл о ней до тех пор, пока не узнал случайно, что она стала лучшей подружкой моей благоверной.

Видно, Камилла чувствовала родственную стервозную душу, поэтому так быстро сблизилась с незнакомкой.

Настоящая Ульяна – полная противоположность.

Блаженная, чтоб её.

Даже сейчас вместо того, чтобы орать и кусаться, спокойно слушает, как я делаю из нее идиотку и не сопротивляется хватке Руслана.

Слабачка.

Единственное, что есть в ней примечательного – внешность. Утонченная красота. Не кричащая. Благородная.

Хрупкая.

Ярко-синие глаза на фоне каштановых волос производили странное впечатление. Чего-то нереального.

Светлая бархатная кожа казалась почти прозрачной.

Косметики на девчонке не было. И это еще больше придавало ее образу странной вышенности.

Куда понесло тебя, Ярский?!

Она – никто. И ничего из себя не представляет. Выставь и забудь. Есть дела поважнее.

Оказавшись у самых ворот, Ульяна обернулась. И во взгляде ее плескалось столько отчаяния, что меня торкнуло.

Глупая странная реакция.

Но почему-то чёртова коляска стала давить еще больше, мешая немедленно пересечь двор и оказаться с девочкой лицом к лицу.

Нельзя, Ярский! Сочувствие – слабость. Привязанность – слабость.

Ты – не слабак.

У тебя есть, чем заняться, так что выкинь дерьмо об училке из головы и ищи своего ребенка!

Вдруг, Ульяна, выдернула руку из захвата Руслана и, с неожиданной для нее резкостью, выпалила:

- Если мы не знакомы, то чей ребенок сегодня спал на моих руках?

Что, мать твою?

- Повтори! – гнев неудержимо рвался наружу.

- Утром кто-то оставил возле моей квартиры малыша. Мальчика, - с вызовом ответила она. – Но вы, наверняка, не понимаете, о чем я, - съязвила стерва, - так что счастливо оставаться.

Выпрямив спину, чуть ли не до хруста, Ульяна развернулась, чтобы уйти.

Вот сучка, а у тебя, оказывается, коготки имеются, когда вокруг светло.

- Рус, вяжи ее и суй в машину, - тут же отдал распоряжение.

Руслан округлил глаза от удивления, но перечить, конечно же не стал. Игнорируя дикие вопли и несколько ощутимых царапин на руках, он всё же обездвигил Ульяну, затолкав ее на заднее сиденье.

- Давайте помогу, - с ненавистным мне сочувствием приблизился Руслан, когда я подтянулся на руках, чтобы перебраться в машину.

- Иди нахер! – рывкнул, как делал всякий раз, ощущая чертову беспомощность. – Я сам!

Я ненавидел эту коляску. Ненавидел вертолет и тварь, которая подстроила то крушение. Но больше всего на свете я ненавидел себя. За то, что не мог раз и навсегда спалить дотла гниль, окружившую меня. За то, что вынужден был проводить часы, дни, недели, как бесполезная амеба.

Когда все случилось, и врачи огорошили меня новостью об инвалидности, я пожалел, что не сдох вместо Камиллы. А еще сходил с ума от чувства вины. После рождения Ильи между нами что-то сломалось. Я потащил ее с собой в командировку просто из принципа. Чтобы сделать по-своему. В Ингушетии мы поругались. Сильнее обычного.

Камилла не хотела лететь обратно со мной. И снова я заставил. А теперь она мертва. Мать моего ребенка мертва из-за моего упрямства. И это еще одна причина для ненависти.

Мне *пришлось* выкарабкиваться. Ради сына. Оставить его сиротой я не имел права.

После операции и десятков часов боли я смог сесть. Специально потребовал коляску с ручным управлением, чтобы не потерять силу хотя бы в руках.

Врачи давали призрачные шансы, предлагая еще одну операцию.

Я согласился.

Лучше не стало.

И тогда мой хирург связался с каким-то светилом из Германии, и я улетел к нему, гонясь за очередной надеждой. Сына отправил сюда. В место, которое считал домом. Я хотел, чтобы он был здесь. Чувствовал мое присутствие в этих стенах.

Снова операция. Снова боль. Снова восстановление, терапия, упражнения.

Но впервые за четыре месяца ада, шансы могли стать реальностью.

А потом мне позвонили. Илью выкрали из-под носа у няни и увезли непонятно куда.

Я вылетел обратно первым же рейсом, и с тех пор, кажется, не спал.

Пять дней. Шестимесячный ребенок уже пять дней у какой-то твари.

И вот Ульяна, которая клялась, что не имеет к этому отношения, вдруг заявляет, что Илья у нее.

- Если ты что-то сделала с ним, я тебя уничтожу, - злобно проговорил, перебравшись на сиденье рядом с ней.

- Я не делала ничего, - глотая слезы прошептала она. – Просто услышала плач за дверью, вышла в коридор и... вот. Я вспомнила, что вы рассказывали про своего сына, поэтому решила разыскать вас. И я не имею понятия, действительно ли это ваш ребенок. Почему его принесли мне. И почему все вокруг пытались убедить меня в том, что вас не существовало. Я вообще не понимаю, что происходит!

Как и я. Вокруг все время вскрывается какое-то дерьмо, которое я никак не могу связать воедино.

Слишком много нестыковок. Слишком много совпадений.

Нужно хотя бы подобие контроля. Потому что пока события несутся с такой скоростью, я просто не успеваю реагировать. Кто-то подбирается ко мне. И я должен понять зачем. Как замешана в этом Дина. И почему в это впутана Ульяна.

- Вы знаете, где я живу? – испуганно спросила она, когда Руслан подъехал к дому. – Но откуда?

- Рус, - коротко скомандовал я, Руслану, который не нуждался в объяснениях.

- Ключи давай, - обернулся он к Ульяне.

- Как? Вы мне руки за спиной связали! – кажется, девчонка приближалась к откровенной истерике.

- Но не отрезал же, - ледяным тоном отозвался Рус.

Я взглянул на него, давая понять, чтоб не жестил. Легкий страх тонизирует и развязывает язык. А вот паника лишает разума и только мешает. Проходили уже.

Тяжело вздохнув, Руслан вышел из машины, открыл дверь со стороны Ульяны и разрезал скотч, которым были обмотаны ее руки. И откуда он его только взял? Не зря получает кучу денег.

- Ключи, - снова потребовал Рус, протянув ладонь.

- Вы правда думаете, что я оставила шестимесячного ребенка одного в квартире? Я может и идиотка, но не настолько, - огрызнулась сучка.

Я должен был бы разозлиться, но не получалось. Облегчение от того, что Ульяна, как минимум, адекватно отнеслась к младенцу, было слишком мощным.

- Где мой сын? – угрожающе взглянул на нее.

- У соседки. Она много раз бабушка и наверняка хорошо позаботилась о малыше. Но у бабы Розы слабое сердце. Не нужно ее пугать. Она этого не заслужила. Позвольте, я сама заберу малыша, - Ульяна несмело заглянула мне в глаза.

- Руслан пойдет с тобой – не обсуждается, - отрезал я.

- Но...

- Он не будет вмешиваться. Лишь наблюдать, - отмел ее возражения, одновременно давая Русу понять, что это приказ.

Глядя, как они заходят в подъезд, я не мог избавиться от навязчивой идеи, вспышкой пронзившей мою голову.

Бред, Ярский.

Полнейший...

Но поздно.

Я принял решение.

Глава 12.

- Улечка, точно всё хорошо? – в который раз переспросила баба Роза, с подозрением глядя на Руслана.

Нет, я в полнейшей...

- Да, Роза Маратовна, - постаралась выдать улыбку. – Нашелся отец малыша, а этот молодой человек – его работник.

Руслан, чтоб тебя! Хоть бы на секунду изобразил на лице приветливость.

- Ладно, моя девочка, подожди немного. Принесу твоего богатыря с пожитками.

Через пару минут соседка вернулась с Ильей и пакетом вещей, которые я притащила, когда оставляла мальчика у нее.

Я потянулась, чтобы забрать малыша, но вдруг подумала, что Рус может быть против. Поэтому замерла, взглянув на него.

Руслан понял, что я предлагаю ему взять младенца на руки, и кажется слегка отшатнулся, округлив глаза.

Я с трудом сохраняла невозмутимость.

Такой весь из себя брутальный, а от маленького ребенка шарахается.

Мужчины...

Как только за Розой Маратовной закрылась дверь, Руслан подхватил пакет и своим фирменным требующим тоном произнес:

- Покажи, в чем Илью принесли.

Я тяжело вздохнула и открыла свою дверь. Не дожидаясь приглашения, Руслан оттеснил меня плечом, нагло врываясь в квартиру.

Удивительно, но к такому хамству я отнеслась равнодушно. Это меньшая из проблем.

- Эта? – донеслось из комнаты, а затем в коридоре показался Руслан с сумкой в руках.

- Да, - ответила безэмоционально.

Я устала. Устала от напряжения. Я хотела поскорее отдать Ярскому все, что ему нужно, и больше никогда его не встречать. Я хотела обратно свою жизнь. В ней полно *своих* проблем. Чужие я не потяну.

Илья вдруг начал хныкать, жалобно оттопырив нижнюю губку.

- Тишшш, тише маленький, - стала подкачивать его. – Может уже пойдем? Я бы хотела вернуть ребенка отцу, потому что вообще-то, так же, как и ты, не представляю, что с ним делать.

- Ты ж училка, - фыркнул Рус.

- Средних классов! – выпалила. – И откуда ты знаешь, кем я работаю? – Руслан вмиг подобрался, поджав губы. – А еще адрес. Не много ли личной информации у людей, которые утверждают, что видят меня впервые в жизни?

- Слушай, девчуля, - процедил он. – Все вопросы к шефу. Все претензии к шефу. Пожелания, предложения... Всё к шефу! Отвали от меня, закрой рот и не отсвечивай!

Выдав это, Руслан снова прошел мимо, не потрудившись сгруппироваться, поэтому нам с Ильей пришлось чуть ли не отскакивать в сторону.

Терминатор, блин.

- Да, малыш, сложно тебе живется в такой компании, наверное, - тихо проговорила я, залюбовавшись мягкими щечками. – Какой же ты сладкий! – не удержалась и чмокнула. – Я, кажется, буду по тебе скучать.

- Что так долго? – недовольно пророкотал Ярский, заметив наше приближение. – Дай мне его, - взгляд в мою сторону.

Может мне показалось, но голос Вадима слегка дрогнул. Он жадно всматривался в Илью, который моментально узнал отца, завертевшись нетерпеливо на моих руках.

- Сын, - тоном полным взвешенного обожания и затаенной нежности, произнес Вадим, принимая малыша.

Илья тут же заулыбался, обхватив его ладошками за щеки, и начал неугомонно что-то лепетать.

А Вадим...

Таким этого мужчину я представить не могла. Его глаза искрились любовью. На губах играла улыбка, периодически переходящая в смех. Сильные руки, казавшиеся огромными по сравнению с малышом, держали бережно и надежно.

Ярский перестал замечать нас с Русланом, свою боль и мир вокруг, потому что вся его вселенная сейчас сошлась в одной точке. В глазах его сына.

Видя Вадима таким, я сразу же забыла и о его грубости, и о жестокости. Как можно в чем-то винить родителя, отчаянно пытавшегося защитить собственного ребенка?

- Илюша у вас. Я рассказала все, что знаю, - нехотя нарушила трогательную сцену. – Извините, но мне нужно вернуться к собственным проблемам.

Я развернулась, чтобы уйти, но Руслан перегородил дорогу.

- Она сбежать собиралась, - сообщил он Ярскому. – Все вещи упакованы.

- Не сбежать, а уехать! – тут же возмутилась и обернулась к Вадиму. – Я свободный человек. С каких пор, переезд вдруг стал чем-то запрещенным?!

- С тех пор, как у тебя оказался мой ребенок, - глухо отозвался Ярский, заставляя меня похолодеть от дурного предчувствия. – И именно в этот момент ты почему-то решила уехать.

- Ни вы, ни Илья не имеете к этому отношения! – почти взвизгнула. – Мне нужно оказаться как можно дальше от Дины!

- От сестры? – неверяще поднял брови Вадим. – Она же не криминальный авторитет. Не киллер. С чего вдруг такая паника?

- Вы понятия не имеете, на что она способна, - сдерживая слезы, произнесла. – Я и сама не знаю, чего от нее ожидать. Дина не просто в городе. Она уже была на моей работе, пробралась в квартиру. Она точно что-то замышляет, и я не хочу оставаться и узнавать, что именно. Подвал, чужой ребенок, и это только начало! Может сама Дина меня и не убьет, но я не уверена, что она не найдет способа навредить мне чужими руками.

- Неужели, ты правда настолько боишься собственную сестру? – прозвучало с сомнением.

- Да, - ответила, не задумываясь. – Потому что её ненависть ко мне это не просто чувство. Это диагноз.

- В каком смысле?

- Параноидальный синдром. У Дины фиксация на том, что я разрушила ее жизнь.

- Так значит она лечилась у психиатра? – Вадим внимательно всматривался в мое лицо.

- Номинально. Как я и говорила: она превратилась в паиньку, проходила терапию, а когда никто не видел, грозила меня уничтожить, - тревожные воспоминания заполняли сознание одно за другим. – Я понятия не имею, где проведена черта, за которую Дина не ступит. Но точно уверена, что мои границы гораздо уже.

- Что ж, ты очень убедительно изображаешь непонимание и невинность, - задумчиво произнес Ярский. – Но раз за разом оказываешься в центре событий. Поэтому отпустить тебя, Ульяна, я не могу.

- Да что это вообще значит?! – кажется у меня начиналась истерика. – Запрете меня в подвале, пока не сгнию?

- В этом нет необходимости, - Ярский не реагировал на мои крики. – Если ты ни при чем, мы даже поможем друг другу.

- Как?

- Тебе нужна защита от сестры. А мне – няня для сына.
- Я не понимаю, - прошептала пересохшими губами, отвергая немыслимую догадку, возникшую в голове.
- Ты переезжаешь в мой дом. *Немедленно.*

Глава 13.

- Что?! Нет! – я сорвалась на крик. – У меня своя жизнь! Своя! Работа, родители! Я вас не знаю! И боюсь! Вы не можете заставить меня!

- Вообще-то, как раз могу, - поглаживая Илюшу, возразил Вадим, будто между прочим. – Но предпочел бы обойтись без этого.

- Но я не умею обращаться с малышами! Я даже не воспитатель! – я совершенно не понимала, чего добивается этот мужчина.

- Разберешься. Это в твоих интересах. К тому же мой повар – Лидия Семеновна сможет тебя проконсультировать. Она, как ты выразилась, много раз бабушка.

- Это какой-то бред, - я в отчаянии закрыла лицо руками.

- Это реальность, Ульяна. Ты можешь ее принять или сопротивляться, но это ничего не изменит. Рус, сходи с ней в квартиру, пусть возьмет необходимые вещи.

Я чувствовала себя зверьком, загнанным в угол. Не в силах защититься. Не в силах выбирать.

С каждой секундой все становилось хуже. Так, словно моя жизнь катилась в бездну. И скорость этого падения была немыслимой.

Утопая в безысходности, я взглянула на Вадима. На его лице была непоколебимая решимость. Весь его вид кричал о том, что мне не сбежать. Даже проблемы с позвоночником не делали Ярского менее опасным в моих глазах. Пусть я почти не знала Вадима, но чувствовала его стальную волю. Он добьется своего, во что бы то ни стало. А если я стану помехой на этом пути, Ярский просто перешагнет через мою жизнь, не оставив от нее камня на камне.

Мне было некуда бежать. Да и смысла не было.

Но я побежала. Просто подальше от *него*.

Шум адреналина в ушах.

Отчаянная дробь сердца.

Краткий миг свободы.

И мертвая хватка сзади, лишаящая надежды.

Руслан догнал меня и закинул на плечо.

- Пусти меня! Пусти! – я отчаянно извивалась и колотила его кулаками по спине.

- Утомонись, дура! – вскрикнул Рус, когда я чуть не повалила нас обоих на землю.

Водитель запихнул меня на сиденье рядом с Вадимом и снова скрутил руки чертовым скотчем.

- Жаль, - спокойно заговорил Ярский, словно ничего особенного не произошло, – что ты не захотела по-хорошему.

- По-хорошему? – я снова кричала, от чего малыш на руках отца заерзал и стал похныкивать. – По-хорошему, это когда ты спрашиваешь, а человек соглашается! – от захлестнувших эмоций я неосознанно стала «тыкать». Плевать. Да и на предостерегающий блеск в темных глазах Ярского тоже плевать. – Выбор без выбора не имеет ничего общего с «по-хорошему»! Лучше бы сыном занимался, а не бегал людей запугивал! Тогда бы его не похитили! А теперь, конечно же, все виноваты, кроме тебя! Потому что проще воевать с миром, чем признать свою отцовскую несостоятельность!

- Закрой рот! – страшно рявкнул Ярский. Илья громко расплакался. Я мгновенно остыла и прикусила язык. Этого человека не сдержит инвалидная коляска. Он меня придушит в секунду. – Ты ничего не знаешь о моей жизни! – продолжал он, опасно понизив голос. – С этого момента ты заткнешься и будешь держать свои мысли при себе! Обращаешься ко мне только по вопросам ухода за Илей. А в остальное время не попадаешься на глаза! Уяснила?!

- Да, - просипела я, вжимаясь в дверь за своей спиной. Сейчас Ярский был по-настоящему страшен. Потемневшее от гнева лицо. Вздувшиеся вены на шее. Тяжелое дыхание. Своим неосторожным высказыванием я вывела Вадима из себя и точно не собиралась дальше проверять хрупкие границы его выдержки. Поэтому замолчала, отвернувшись к окну.

- Какие вещи брать? – спросил Руслан, заглядывавший теперь в открытое окно со стороны Ярского. Во мне поднималась новая волна ярости. Я изо всех сил стиснула зубы.

- Ты вопроса не слышала?! – Вадим был в бешенстве.

- Этот вопрос не связан с Ильей, - процедила я. – И мне было велено закрыть рот.

Ну зачем, Ульяна?!

- Ты чего, бессмертная? – ошарашенно пробормотал Рус.

Скорее безумная.

- Еще один взбрык, и ты будешь ходить по дому голая, - с холодной злостью заявил Ярский.

- Идите к черту оба! – воскликнула я.

Да что со мной такое?!

Видимо, расшатанные нервы мешали собраться и взять под контроль реакции. Хотя, признаться, от собственной несдержанности стало легче.

Когда наконец-то подгрузился мозг, пришло осознание: сейчас меня прикончат.

Кажется, Вадим набрал воздуха, чтобы снова начать орать, но к моему удивлению, вмешался Руслан.

- Вадим Дмитриевич, я когда сумку искал, видел чемодан со шмотками. Давайте я его возьму и поеду?

- Иди. Только быстро. Еще немного времени в замкнутом пространстве, и я сверну ей шею.

Путь до дома Ярского прошел как в тумане. Я приказывала себе молчать и не нарываться.

Пока Вадим представлял меня крайне удивленной Лидии Семеновне, Руслан освободил мои руки и вложил в них Илью. Видимо, чтобы не было возможности надеть глупостей.

Малыш тут же схватил в кулак мои волосы, ощутило их потянув, но видя, как он рассмеялся при этом, я тут же перестала замечать боль и невольно улыбнулась в ответ.

- Покажите Ульяне детскую и гостевую, - властно заявил Ярский, как-то странно глядя на меня.

- Зачем гостевую? – переспросила я.

- Предпочитаешь спать на полу в коридоре? – съязвил Вадим.

- Предпочитаю спать за пределами твоего дома, - чёрт, Ульяна, ты рискуешь оказаться закопанной под какой-нибудь твоей элитных сортов. - Я уже говорила, что не умею обращаться с малышами. Что я буду делать, находясь с Ильей в разных комнатах? Поставьте мне в детскую диван или раскладушку. Я буду спать там.

- Как скажете, Ульяна Константиновна, - издевательски протянул Ярский мое отчество, в который раз давая понять, что знает обо мне все. Плечи невольно передернуло.

А в голове возникла мысль, сформулированная совершенно неподобающим образом: *как я ввязалась в это дерьмо?!*

Глава 14. (Ярский)

- Вадим Дмитриевич, можно сказать? – подал голос Рус, когда пауза затянулась.

- Валяй, - я оторвал взгляд от стены, в которую бездумно пялился все это время.

Ну как бездумно.

Прокручивая вновь и вновь слова Ульяны о том, что я плохой отец.

Можно было бы проигнорировать. Пропустить мимо ушей. Забыть.

Если бы в глубине души я не говорил себе то же самое каждую секунду.

Если бы я не угробил жене...

Если бы был на ногах...

Если бы остался рядом...

Десятки «если бы», при которых мой сын не пострадал бы.

- Разве безопасно подпускать ее к ребенку? – снова вырвал меня из задумчивости Руслан.

- А что тебя смущает?

- Ну для начала – отсутствие опыта.

- Ни у одной матери нет опыта с первым ребенком. Но им же не запрещают рожать, - нахмурился я.

- Но в том-то и дело. Она – не мать.

- Ты сам собирал характеристику на Ульяну, - зачем-то я бросился защищать девочку.

– Ученики ее хвалят. Как там было? «Спокойная, терпеливая, добродушная...». Значит, детей любит. Поэтому уж точно не станет вредить Илье. Ты видел сколько вещей она для него накупила? Семеновна разбирала, сказала, что толковый набор. И это при отсутствии опыта и в стрессовой ситуации. Я уверен – Ульяна быстро сориентируется. Лидия Семеновна будет присматривать и помогать, если что. А я ей к зарплате полставки няни накину.

Не знаю почему, но я был уверен: Ульяна очень серьезно отнесется к ответственности за ребенка. Правда, это была моя единственная уверенность в отношении нее.

Я думал, что девочка – мямля, которая не пытается постоять за себя, а оказалось, что она вполне может кусаться.

Считал забитой училкой, но увидел огонь в ее глазах.

При этом, я почти физически ощущал её ужас. И это пробрало. Реакция на меня. Она боялась! Боялась ни на что не способного инвалида-колясочника.

Кажется, впервые за четыре месяца я не видел жалости, обращенной в мою сторону. Ульяна считала меня опасным, и вся сжималась от одного взгляда. И это было... лучшее, что произошло за последнее время. Я вдруг перестал ощущать себя ущербным подобием мужчины. Почувствовал, что не беспомощен. Что не до конца растерял себя.

- Ладно, а если всё же эта Савенко не такая невинная, какой хочет казаться?

- А вот это уже твоя зона ответственности, - прозвучало резко, но сомнения Руса начали напрягать. – Выдели людей для того, чтобы отслеживали перемещения и контакты. Если Ульяна имеет отношение к происходящему, мы быстрее узнаем об этом, не выпуская ее из поля зрения.

- Есть в этом, конечно, доля правды, но все же мне, как начальнику охраны, не нравится идея поселить ее в доме, - Руслан тяжело вздохнул и нервно взъерошил волосы. – Но даже это не самая большая проблема. Проблема в том, что вы ей верите.

- Ты сам сказал: история про сводную сестру – правда. Да и не похожа она на преступного гения. Даже рот закрыть вовремя не может. Импульсивная очень. Волнение выдает на раз. А еще то, как она с Ильей обращается, - перед глазами появилась картинка, как бережно Ульяна прижимала к себе моего сына и улыбалась.

- Как?

- Лучше, чем родная мать, - прорычал я. – Ты помнишь, как Камилла визжала, когда Илья на нее срыгнул? Её ребенок. Её плоть и кровь. А Камилла смотрела на него с такой безразличностью, словно ее дерьмом облили, - в который раз, вспоминая это, я почувствовал, как кровь начинает закипать.

У нас с женой были проблемы. Всякие. Были разногласия и недопонимания. Я всё это воспринимал, как норму семейной жизни. Но то, как Камилла относилась к сыну... За это я ее ненавижу.

Сперва старался не заострять внимание, надеясь, что со временем проснется тот хваленый материнский инстинкт, о котором все говорят. Даже психолога нанял, списывая всё на послеродовую депрессию.

Но ни врач, ни время не помогали. Камилла при любой возможности сваливала из дома, прикрываясь сложным периодом и шаткой психикой.

Я первое время терпел.

Пока не понял, что жене плевать на нас с Ильей. И что еще важнее – мне плевать на нее.

Тогда и случилась эта командировка в Ингушетию. Я решил проверить – осталось ли между нами хоть что-то, что можно спасти. Оказалось – нет.

Камилла призналась, что давно уже завела любовника и собирается подать на развод.

Я был в бешенстве. О разбитом сердце, конечно, речи не шло. Скорее об уязвленной гордости.

А потом ее не стало. И я буду до конца жизни виноват перед ней.

- Вадим Дмитриевич, я помню, - осторожно проговорил Руслан. – Но будьте пожалуйста поосторожней с доверием. Ведь и Камиллу Маратовну вы когда-то сочли... подходящей для брака.

- Тонко, - горько усмехнулся я. – И хоть мне хочется кинуть тебе в голову степлер, признаю, что смысл в твоих словах есть. Я буду на чеку.

- Это хорошо, - чуть поколебавшись ответил Рус. – Тем более, кое-что произошло.

- Говори, - напрягся я, предчувствуя дерьмо.

- На счет Ульяны Савенко полчаса назад поступило пять миллионов рублей. И мы не можем отследить источник.

- Ты думаешь..., - неужели я настолько плохо разбираюсь в женщинах?

- Да. Это вполне могут быть деньги за похищение вашего сына.

Глава 15.

Что ж, надо во всем искать положительные стороны.

Я не сижу в помещении без окон и света.

И даже больше: яростные крики, доносящиеся из гостиной, наконец-то адресованы не мне.

Видимо, Ярский был полон решимости разнести свою службу безопасности в пух и прах за то, что они так и не успели, до моего появления здесь утром, выяснить местонахождение Ильи.

- *Не дай Бог ему хоть как-то навредили, я с вас шкуру спущу!* – грозился он.

На самом деле, прежде чем идти орать, Вадим заглянул в детскую, куда меня привела Лидия Семёновна. Он велел уложить малыша на небольшой диван, стоявший в углу, и раздеть его.

- Сыночек, - с трепетом протянул Ярский, вложив в каждую маленькую ладошку по большому пальцу. Илья тут же ухватился за них и принялся подтягиваться вверх. – Вот это по-мужски, - одобрительно отозвался Вадим.

Затем он тщательно промассировал все тельце, осматривая каждый миллиметр, но никаких видимых повреждений не обнаружил.

Поняв это, я ощутила, как накатывает облегчение. Оказывается, все это время я практически не дышала, мысленно молясь, чтобы с Илюшей всё было хорошо. Если и правда, Дина причастна к похищению, я рада, что она хотя бы не опустилась до того, чтобы навредить младенцу.

- Завтра в восемь утра Вы должны быть готовы ехать в клинику. Я договорился об обследовании, - жестко заявил Ярский, даже не повернув головы в мою сторону.

- Хорошо, - неуверенно отозвалась. – А что нужно с собой? Пеленку там может или полотенце?

- Подгузники, питание, погремушка, - перечислил Вадим с таким выражением лица, будто я – идиотка. Остальное в клинике дадут. И да, у Ильи будут брать кровь, так что за два часа не корми его.

- Я поняла.

Ярский тут же потерял интерес ко мне, поцеловал сына и выехал из комнаты, срывая злость на охране.

Оставшись со своим... подопечным, я перепугалась до ужаса. Я ведь и правда не представляю, что должна делать.

В этом возрасте они спят, едят и бодрствуют. Но это в теории. А на практике к каждому этому пункту куча вопросов.

Когда спать? И сколько?

Что есть? Я успела прочитать, что в шесть месяцев уже вводят прикорм, но малыш вроде должен сидеть. А кто-то пишет, что не должен. А я кстати и не в курсе, умеет ли уже Илюша сидеть.

Ну и вишенка на торте – что делать с ним, когда он не спит? Какие-то развивающие занятия? Ну для истории Руси, наверно, рановато...

От растерянности и ответственности, к которой я была не готова, разболелась голова. В этот момент плеча моего коснулась Лидия Семеновна, которая всё время неприметно просто-яла в противоположном углу комнаты.

- Не переживайте, Ульяна. Опыт быстро придет, - произнесла она с ободряющей улыбкой, пряча в глазах печаль. – Единственное, чему нельзя научиться – любовь. Конечно, от няни

этого и не требуется, но по собственному опыту вам скажу, что малыши очень чувствуют отношение. Чем более открытым будет ваше сердце, тем легче вам будет управляться с Илюшей.

- Я люблю детей, - зачем-то принялась оправдываться я. – Просто до этого имела дело с теми, кто, как минимум, умеет говорить. Я – учитель.

- Тогда у вас точно всё получится, - просияла женщина.

- Лидия Семеновна, пожалуйста, называйте меня на «ты». И спасибо большое за вашу поддержку. А скажите, куда делась предыдущая няня? – осторожно спросила я.

- Вадим Дмитриевич уволил, - в голосе Лидии Семеновны прорезались стальные нотки. – Она оставила без присмотра коляску, и в этот момент Илюшу забрали.

Вот как... Теперь я понимала Вадима еще меньше. Он ведь не только доверил мне заботу о сыне, но и, по сути, его безопасность. С чего вдруг, если в этом доме Ярский запер меня как раз из-за подозрений?

Хотя не это ли прописная истина «Искусства войны»? Держи друзей близко, а врагов еще ближе...

Мы с Лидией Семеновной переключились на беседу об Илюше. Нужно признать, что она оказалась на удивление милой женщиной. А я-то мысленно представляла себе всех в окружении Ярского бесчувственными злыднями. Как этот мерзкий качок Руслан.

Лидия Семеновна поделилась огромным количеством информации о малышах.

А я периодически вспоминала, что и баба Роза рассказывала похожие вещи, правда моя дурья башка все пропускала мимо ушей.

В общем, к концу нашего общения я чувствовала себя гораздо спокойнее, хотя бы потому, что знала теперь, к кому обратиться, в случае чего.

Накормленный и выкупанный Илюша мирно сопел в кроватке, а я лежала на разложенном диване и пялилась в потолок.

Интересно, а мне вообще можно спать?

Вдруг ночью с малышом что-нибудь случится?

Он там дышит вообще?

Подскочила на ноги и включив фонарик на телефоне, присмотрелась к движениям грудной клетки.

Дышит.

Естественно.

С чего я вообще взяла, что может случиться что-то подобное?

Всё, Ульяна, угомонись и спать ложись, наконец!

Стоило мне улечься удобно, как в комнату вошла Лидия Семеновна.

- Ульяша, тебя Вадим Дмитриевич вызывает, - взволнованно сообщила она.

- Сейчас? – я удивленно посмотрела на часы, которые показывали первый час ночи.

- Да. Я побуду пока с Илюшей, - ее тон очень четко говорил, что дополнительной информации я не получу.

Что ж...

- А куда мне идти-то? – растерянно уточнила.

- Соседняя дверь справа.

Отлично. Просто блеск.

А ты чего хотела? Это детская. Естественно, отец хочет быть рядом. Тем более, здесь всё рядом, ведь, как я поняла, хоть в этом доме и три этажа, жилой – только первый. Причина вполне прозрачна. Лестница и инвалидная коляска – не самое лучшее сочетание

Я молча вышла в коридор, и, не давая себе времени для паники, постучала в дверь.

- Заходи, - послышалось изнутри.

Ох, не нравится мне этот тон.

На негнувшихся ногах я вошла в логово. И это не просто оборот речи. Мало того, что спальня вся была отделана в темных тонах, так еще и освещала в данный момент ее только одна бра на противоположной стороне.

Я скользнула взглядом наверх. Там была вполне нормальная люстра. По сторонам от кровати свисали еще два светильника. И кажется, на части стены было что-то вроде подсветки.

Так какого, спрашивается, лешего мы в потемках разговариваем?!

- Ты можешь включить свет? – дрожащим голосом попросила я.

Вадим сидел спиной ко мне, неотрывно глядя в окно.

- Нет, - словно удар хлыста, разрезал тишину его резкий ответ. – Мне нравится темнота.

- А мне – нет, - отчеканила я, гневно поджав губы.

- Это мне тоже нравится, - в его голосе прозвучала ухмылка.

Ярский развернул коляску, направившись в сторону дивана.

- Сядь, - велел он, даже не взглянув в мою сторону.

Каким-то шестым чувством я понимала, что мысленно Вадим уже раз десять меня придушил. Что-то случилось за то время, пока мы здесь. И, вероятно, что-то серьезное.

Инстинкт самосохранения, наконец, включился, так что я без возражений опустила на диван, оказавшись с Ярским лицом к лицу.

- Скажи, Ульяна, - вкрадчиво заговорил он, - сколько денег тебе нужно?

- Не поняла, - такого вопроса я точно не ожидала.

- Глобально, - он приподнял уголок губ в подобии улыбки, но в глазах его был лед, поэтому мне стало не по себе. – Для счастья, так сказать.

- Я не знаю, - растерянno пробормотала. – Никогда не думала об этом. Мне достаточно того, что есть.

- То есть пять миллионов – предел твоих мечтаний? – выплюнул он презрительно.

- Пять... Что? – у меня чуть челюсть не отвисла. – У меня нет таких денег.

- Ну как же? А это тогда, что? – он протянул мой телефон, который отобрал Руслан после возвращения в дом.

Там было открыто банковское приложение, где ужасающе крупными цифрами отображалось поступление. Пять. Миллионов. Рублей.

- Я не понимаю...

- Очень жаль, - тут же отозвался Вадим. – Потому что я надеялся ты объяснишь, почему я не должен считать, что это твоя доля за похищение моего ребенка.

- Ты совсем с ума сошел?! – воскликнула я. – Какая доля?! Да если бы я и правда была замешана, зачем было искать тебя и возвращать Илью?!

- Может ты поняла, что я все равно на тебя выйду. И решила подстраховаться.

- Ты узнал, откуда эти деньги? – в отчаянии спросила я.

- Невозможно отследить, - тут же ошарашил Вадим.

- Пожалуйста, - мой голос был еле слышен, - ты должен поверить мне. Я не имею отношения ко всему этому.

- Должен поверить? – Ярский принужденно расхохотался. – С какой это стати? Пока все, что ты для этого делаешь – жалуешься на сестру и ноешь, что не виновата.

- А чего ты ждешь от меня? Что я расскажу, кто похитил Илью? Я понятия не имею! Это же явно кто-то из твоих врагов, Вадим! Мне навредить могла только Дина. Но откуда мне знать, связана ли она с тобой?!

- Связана, - тут же отозвался Ярский, выбивая меня из колеи. – Она работала у меня в головном офисе. Полгода. Под именем Ульяны Савенко.

- Господи..., - выдохнула я.

- Тесен мир, да? – с издевкой произнес Вадим. – Слушай внимательно и запоминай, Ульяна. Ты под круглосуточным наблюдением. Я должен знать обо всем, что происходит в

твоей жизни, будь то денежное поступление или звонок с незнакомого номера. Никакой лжи, никаких секретов. Если я хоть на мгновение подумаю, что ты не на моей стороне, я превращу твою жизнь в ад. Понятно?

- Я не на твоей стороне, Вадим, - очень четко проговорила я. Хотел честности – пусть получает. – Ты пугаешь меня. Я не знаю, чего ожидать, и не понимаю твоих мыслей. Но я точно против Дины. И против людей, которые способны подвергнуть опасности ребенка. Так что, единственная сторона, на которую я готова стать – это сторона Ильи. Поэтому я не собираюсь скрывать ничего, что поможет защитить его.

- Боже, как высокопарно! – ехидно отозвался Вадим. – Надеюсь, это не просто красивые слова. И советую сменить тон, Ульяна. Ты в моем доме. В моей полной власти. Не забывай об этом, когда обращаешься ко мне.

- Или что? – раздраженно выпалила, не успев заткнуть вовремя рот. – Убьешь меня? Или может язык отрежешь?

- Ну зачем же? Я – бизнесмен, а не бандит, – со звенящей жестокостью ответил Ярский. – Просто отправлю тебя на экскурсию в мой подвал. Уверен, ночью одной тебе там не понравится.

Глава 16.

Угроза Ярского никак не выходила из головы.

Потому что воспоминания о недавней темноте подвала, въелись под кожу настолько, что приносили почти физическую боль.

Ну и еще, потому что я была уверена – это не угроза. Это план.

Вадиму Ярскому нет нужды запугивать или пускать пыль в глаза. Если он решит действовать, то сделает это без колебаний. Без предупреждений.

Этот мужчина давит. Своей волей. Своей аурой. Он ищет болевые точки, и готовится в любой момент ударить по ним. Он не щадит. И не повторяет дважды. Он идет к своей цели напролом, сметая всё на пути. И это не вопрос физических возможностей. Это вопрос характера. Силы духа.

Может показаться, что я восхищаюсь человеком, который только и делает, что доводит меня до паники.

Так и есть.

Жизнь Ярского – история ужасов. И это только те крупинки, что я знаю. Страшно представить, что там дальше – на самой глубине. Но Вадим не просто выживает в этом. Он закаляет сталь внутри себя. Стараются взять хаос под контроль. А главное – защищает сына. Любой ценой.

И, кажется, я целиком и полностью оправдываю его жестокость.

Ярский поступает так, как должны поступать родители – борется за ребенка несмотря ни на что. Возможно, если бы мама, из-за чувства вины перед Диной, не стала бы верить в ее чудесное преображение, моя юность не превратилась бы в ад. И я сейчас не оказалась бы в доме чужого мужчины, который пару раз в день грозит меня уничтожить.

Что ж теперь у меня только один путь – хорошо заботиться об Илье, чтобы подозрений у Вадима не осталось. Ведь если подумать, он чуть ли не единственный человек, который настоящему способен помочь мне защититься от сестры...

За нахлынувшими мыслями не заметила, как провалилась в сон. Но долго он не продлился, потому что очень скоро я подскочила от требовательного плача Ильи.

- Что такое, маленький? – спросонья запаниковала и почти истерично схватила малыша на руки.

Так, Ульяна, чтоб тебя, соберись!

Подгузник, смесь, африканская тряска.

База.

Чистый, сытый, укачанный Илья, минут через сорок снова уснул, но как только я с облегченным выдохом переложила его в кроватку, малыш тут же перевернулся на живот, поднял голову и заверещал так, будто его, по меньшей мере, голодом морят неделю.

- Зайчик, тётя Ульяна вообще не понимает, чего ты хочешь, - не смогла сдержать паникующих ноток я.

Африканская тряска продлилась еще минут двадцать. Причем Илья даже не думал засыпать: лежал с открытыми глазами и периодически мило улыбался в ответ на мои потуги. При этом, стоило остановиться хоть на секунду, как благожелательность его улетучивалась и маленький манипулятор заходиллся рыданиями.

Очень скоро я поняла, что уже не чувствую рук, а ноги на очереди. Безумно хотелось спать. Казалось, еще немного и я просто упаду посреди комнаты.

Помощи просить было не у кого. Разбудить Лидию Семеновну я бы не решилась, про Вадима и речи быть не могло. Да и это же, вроде как, моя работа.

Работа, с которой я откровенно не справляюсь.

От усталости и темных мыслей накатила жуткая жалость к самой себе. Слезы потекли ручьем, а плечи стали невольно вздрагивать.

Удивительно, но кажется эта картина заинтересовала Илюшу, и он притих, внимательно рассматривая мое лицо.

- Ты, как истинный мужчина, не выносишь женских слез, да? – спросила с грустной улыбкой.

Малыш стал подтягиваться вверх, и я перехватила его столбиком, крепко обнимая. Илюша уложил головку мне на плечо, и вскоре я почувствовала, что дыхание его выровнялось. Скептически посмотрела в сторону его кроватки.

Ну нет.

Больше я не выдержу.

Поэтому, не имея ни малейшего понятия, можно ли так делать, и поступают ли так няни, я осторожно легла на свой диван, оставив Илюшу спать на мне.

- Какого чёрта! – послышалось гневное шипение. – Ульяна! – мое плечо неаккуратно сжали.

Я с трудом открыла глаза, пытаюсь понять, что за странная комната, и почему мое тело окаменело.

А потом опустила глаза и наткнулась на крепко спящего младенца.

Да, точно.

Окончательно осознав происходящее, резко повернула голову и напоролась на черный грозовой взгляд Ярского.

- Я велел быть готовой в восемь. Ты забыла, что ты на работе, а не в санатории?!

- Прости...те, - хоть я уже вроде обращалась к Вадиму на «ты», сейчас это почему-то казалось неуместным. – Просто ночь выдалась тяжелой, я видимо проспала.

Не сговариваясь, мы перевели взгляд на улыбающегося во сне Илюшу. На секунду мне показалось, что Вадим смягчился, наблюдая за сыном. Но это продлилось недолго.

- Так может еще полежишь? Поваляешься? – угрожающе уточнил он, выжидающе приподняв брови.

А, его величество сарказм.

- Вадим, я..., - как стыдно-то быть такой дурой, - я не знаю, как встать.

- Ульяна, как встать, не знаю я, - ехидно отозвался Ярский, намекая на свою коляску, - а у тебя с этим проблем возникнуть не должно.

- У меня всё затекло, не могу пошевелиться. И боюсь, что Илюша упадет, - кажется, я покраснела до самых кончиков ногтей от собственной нелепости. – Может позвать Лидию Семеновну, чтобы поддержала его, пока я расхожусь?

- Я не настолько бесполезен, чтобы не взять на руки собственного сына, - ледяным тоном заявил Вадим, подъезжая ближе к дивану и подаваясь чуть вперед. – Сын, - позвал он и улыбнулся, - просыпайся, ночной хулиган.

Вадим стал очень нежно поглаживать малыша по спинке, а потом наклонился, чтобы поцеловать в носик.

А я?

Я лежала лишний раз даже не вдыхая, и опасалась, что потеряю сознание в любой момент. И точно не могла объяснить, почему.

Ярский придвинулся настолько, что меня обдало жаром его тела. И это было совершенно не то же самое, что в подвале (хоть он и врет, что не был там). Тогда, в темноте, тепло другого человека влекло как спасительный свет маяка.

Сейчас же, его близость странно обжигала.

Ярский пугал меня, заставлял нервничать и был пазлом, который никак не складывался. И даже в мыслях не мог бы оказаться ко мне *так* близко.

Я чувствовала вибрацию, от его движений и почти захлебывалась воздухом. Ощущения были такими острыми, словно прикосновения Вадима предназначались мне. Но это походило скорее на лихорадочный сон, чем на реальность, наверное поэтому сердце тревожно замирало, отвергая происходящее.

А когда Вадим наклонился, чтобы поцеловать сына, его дыхание царапнуло полосу моей кожи там, где чуть задралась футболка. Мышцы живота от волнения сократились, и я шумно вдохнула.

В тишине комнаты этот звук оказался слишком громким.

Вадим посмотрел на меня. Остро. С вызовом. А я была в шаге от паники, которая была вызвана... А черт его знает, чем.

- Боишься меня? – вкрадчиво спросил он.

- Я не знаю, - ответила чуть слышно. – Скорее да.

- Мне нравится, - хищно улыбнулся Ярский, протягивая руки к сыну.

Не переводя взгляда, Вадим словно невзначай задел ребром ладони мой бок.

Я решила, что лучше и вовсе не дышать.

Мучительно медленно, он скользил по моему животу, просовывая руку под Ильюшу.

Кожа вслед за этим движением покрылась мурашками.

В глазах Вадима творилось что-то за гранью. В них была манящая бездна и яростное ликование. Жадность. И обещание.

Ну или я сошла с ума, и все это мне мерещилось.

Я тяжело сглотнула, неосознанно облизав пересохшие губы.

Вадим с какой-то хищной заинтересованностью проследил за этим движением, запуская по мне новую волну мурашек

Да что вообще происходит?!

В момент, когда казалось, что я сейчас не выдержу напряжения, стесившего воздух, Ярский наконец отвернулся. Он аккуратно поднял Илью, устраивая его у себя на руках, а затем снова взглянул на меня, но уже со своим фирменным безразличием.

- Лидия Семеновна соберет Илью. У тебя десять минут.

Глава 17. (Ярский)

- ...поедем сразу или дождемся конца обследования? – словно издалека до меня донесся голос Руслана. – Вадим Дмитриевич?

- Дождемся, - наспех бросил, особо не вникая в смысл вопроса. Мой мозг усиленно и безуспешно пытался обработать то, что утром произошло.

Искоса посмотрел на Ульяну. Она сидела, вжавшись в дверь, и усердно отгораживалась от меня автолюлькой с Ильей. До сих пор не произнесла ни слова. Практически не двигалась. А еще упрямо прятала от меня взгляд.

Это бесило, потому что...

А хер его знает, почему.

Просто бесило.

Зато девчонка всю улыбалась Илье и периодически тихо издавала какие-то странные звуки, от которых он начинал хохотать. Сложно было удерживать безразличное лицо. Но надо. Ульяна не должна понять, что меня торкает ее отношение к сыну. Не должна увидеть эту слабость. Потому что тогда девчонка может попытаться мной манипулировать. А сегодняшнее утро слишком ясно дало понять: у нее получится.

Врываясь в комнату, я был раздражен до предела наглым игнором училки.

Я же сказал быть готовой к восьми. Но в это время из детской не доносилось ни единого звука, намекающего на сборы или просто на бодрствование. Поэтому я без стука вломился внутрь, чтобы напомнить девчонке об обязанностях, и замер.

Ульяна крепко спала. Но это как раз было ожидаемо.

Меня поразило то, что при этом она бережно прижимала к себе Илью, который уютно устроился на ее животе, во сне ухватив кулачками мягкие пряди каштановых волос.

Я просто не мог пошевелиться. Комнату мягко заливали золотистые лучи утреннего солнца, создавая таинственную дымку. Вокруг было тихо. Даже шагов персонала по дому не было слышно. Но в этом одиночестве я не ощущал пустоту. Я как никогда почувствовал жизнь.

Кому-то это покажется глупостью. Кому-то – обыденностью. Но для меня – вот такой должна быть семья. Женщина. Ребенок в ее руках. Нежность. Забота. И мужчина, который не позволит это разрушить.

То, что со мной внутри стало твориться – невозможно внятно описать.

Сердце ёкнуло?

Да его к херам разорвало.

Это был гребаный атомный взрыв из несбывшихся надежд и ожиданий, которые давно утонули в мире цинизма и алчности.

Уже позже я, конечно, подумал, что Илья мог упасть с кровати. Или Ульяна могла во сне его придавить.

Вполне разумные опасения. Правильные.

Но в тот момент в мозгу пульсировала лишь одна мысль.

Так должна выглядеть мать.

Я перебрал в голове свои редкие минуты в компании матери. Даже не помню, обнимала ли она меня когда-то, если рядом не было журналистов.

Потом вспомнил Камиллу. И все её отговорки, чтобы не подходить к ребенку. А ещё как я корил себя, что у Ильи не будет нормальной материнской любви. Как метался вечерами из угла в угол, пытаюсь повлиять на жену.

Вспомнил долгие разговоры и яростные ссоры, когда требовал от этой меркантильной эгоистки уделить сыну хотя бы немного внимания.

Бессмысленно.

Когда в Ингушетии Камилла сказала, что уходит, она ни словом не обмолвилась об Илье. Сына не было в ее грандиозных планах на жизнь. Хер бы я, конечно, отдал суке своего ребенка, но всё же. В голове не укладывалось, как она могла вообще ничего не чувствовать.

И вот передо мной Ульяна.

Слабая. Напуганная. *Сломленная*.

Совершенно не понимает, что делает.

Но делает это искренне. И потому Илья к ней тянется.

Может Ульяна лишь притворяется добросердечной овцой?

Но ведь ребенка не обманешь. Еще там, около ее подъезда, я заметил, как бережно девчонка держит Илью. И как спокойно он ведет себя в ее руках.

А у меня вовсе не самый спокойный ребенок. *Весь в меня*.

И сегодня ночью он дал Ульяне это понять.

Конечно же я слышал плач. И даже раза три порывался бежать в детскую. Но капризы каждый раз стихали до начала реальной истерики, поэтому я, скрепя сердце, оставался на месте, как никогда чувствуя себя инвалидом. Не знаю как, но Ульяна справлялась.

Я уговаривал себя сохранять хладнокровие, ведь это ее работа. Да и, в какой-то степени, наказание.

Хотя денег Ульяна не получает. И наказывать ее не за что.

Подозрения подозрениями, но пока все ее слова оказывались правдой, а вот доказательств причастности к моим проблемам так и не находилось.

Короче, я вел себя как полный мудак, насильно пытаюсь привить себе неприязнь к Ульяне.

Зачем?

Понятия не имею.

Возможно, потому что, как и сказал Рус, слишком быстро начинаю доверять.

А может, потому что вообще странно на нее реагирую... Настолько, что в собственной башке разобраться не могу.

Именно эти реакции побудили меня притащить ее в дом, психовать на ровном месте и главное – не сдержать безумный порыв прикоснуться.

Это было что-то сродни пытке.

Без шуток.

Выплеснув раздражение, я переключился на сына, пытаюсь разбудить этого соню. А потом уловил учащенное дыхание Ульяны.

Первая мысль была – она боится. Бессознательно, до дрожи боится моего приближения. И хоть я сам этого добивался, мне вдруг захотелось схватить Ульяну за плечи, хорошенько встряхнуть и...

Что «и»? Напугать еще больше?

Шикарно, Ярский.

Ты совсем не умеешь общаться с женщинами, чёртов гений.

«С такими женщинами», – услужливо шептало подсознание. Потому что от *таких* всегда держался в стороне.

Проигрывая самому себе, я был в шаге от того, чтобы молча развернуться и сбежать.

Но совершил ошибку.

Я взглянул на Ульяну. На её лихорадочно блестящие глаза. Приоткрытые пухлые губы. И румянец, выдававший со всеми потрохами. Это вовсе не страх. По крайней мере, не только он.

И снова девчонка, которую я считал чуть ли не бессмысленной мебелью, заставила нутро сделать кульбит.

Мое приближение волнует ее. Несмотря на чёртову коляску. Несмотря на неполноценность. Несмотря на внешнюю слабость, она смотрит на меня, *как на мужчину*.

Надо было бы валить, пока в дерьмо не вляпался из-за собственной несдержанности. Но я не смог. Я просто, мать её, прирос к месту, не в силах оторваться от десятков эмоций, заволакивающих изумрудный взгляд.

Глаза у нее синие.

А потом вдруг откуда-то взялась вспышка здравого смысла: может ли весь этот воздушный образ и разрывающий взгляд быть продуманной игрой?

Чтобы втереться в доверие. Подобраться ближе. И всадить нож в спину в нужный момент.

Хорошая мысль. Правильная.

Отрезвляющая?

Ни капли.

Солгав себе, что просто хочу вывести Ульяну на чистую воду, скользнул ладонью по слегка открывшемуся плоскому животу. И снова взрыв. Там, где мое прикосновение сливалось с бархатом её кожи. А еще в башке, где заверещали десятки сигналов об опасности, посланных нахер. И в качестве финального аккорда – слишком говорящая реакция ниже пояса. Там, где уж точно не должно было ничего происходить.

Но происходило. Чертова бедовая девчонка в нелепой пижаме меньше чем за пять минут довела меня до такого срыва тормозов, какого я за всю свою жизнь не испытывал.

Нужно держаться подальше, раз уж Ульяна так странно на меня действует. А лучше – поскорее прояснить ее роль в происходящем и отослать с глаз долой.

Отличный план.

Мог бы сработать.

Если бы я был готов к тому, что Ульяна Савенко вдруг начнёт вести себя совершенно не как забитая училка.

Глава 18.

Забудь, Ульяна.

Просто выброси это из головы.

Никогда.

Сделки с самой собой не случилось. Ни уговоры, ни злобные одергивания не помогали избавиться от ощущения, что я мелкий зверёк, попавший в клетку к хищнику. Мы уже давно оказались не наедине. Я всячески отвлекалась на Илюшу. Но несмотря на это, смесь ужаса и странного трепета всё ещё заставляла сердце тревожно биться о грудную клетку с ненормальной скоростью.

Могу поклясться, что всю дорогу до клиники Вадим тоже переваривал случившееся. Бросал на меня долгие нечитаемые взгляды, а затем раздраженно поджимал губы и отворачивался.

К счастью, приехали мы довольно быстро. Перед нами раскинулось огромное светлое здание, которое больше напоминало памятник культуры, чем медицинское учреждение. Хотя откуда мне знать. Я не частый гость у врачей, да и ориентируюсь больше в государственных поликлиниках. Куда уж мне до элиты типа Ярского.

Не сдержавшись, закатила глаза и тихонько цыкнула. Но в этот момент Вадим уже выбрался из машины, усаживаясь в кресло, которое Рус достал из багажника, так что моя реакция осталась для незамеченной.

- Ты же меня не сдашь? – подмигнула Илюше с улыбкой.

Тут дверь с моей стороны открылась. Руслан дождался, когда я выйду, и начал отстегивать автолюльку от странной конструкции, на которую она крепилась.

- Что ты делаешь? – выглядывая у него из-за плеча, спросила я.

- А на что похоже? – буркнул Руслан. – Отойди.

- Просто Илью отстегни. Зачем всю люльку? – поспешила его остановить.

- Ты можешь уйти? – естественно, мои слова этот буйвол воспринимать отказывался.

- Рус, - коротко бросил Вадим, подъезжая к нам.

Руслан тут же выпрямился и взглянул на Ярского. Ничего себе, какие мы исполнительные.

Бесит.

- Делай, как Ульяна говорит.

На лице водителя не промелькнуло ни единой эмоции. Но я почему-то была убеждена, что мысленно он уже давно презрительно кривится и возмущенно вздыхает.

Руслан быстро отстегнул Илью и отступил на шаг, предоставляя мне самой взять малыша.

Ой, да пожалуйста.

Трус.

Удивительно, но с Илюшей я чувствовала себя спокойнее. Сразу переставали ощущаться неловкие паузы, и не надо было думать, куда деть руки, что делать и как двигаться...

- Ты – мой маленький спаситель, - прошептала ему на ушко, легонько чмокнув.

- Здесь жди, - прозвучал очередной приказ Ярского.

- Но Вадим Дмитриевич, как же вы..., - попытался возмутиться Рус, но тут же был прерван.

- Нормально я! Займись своими обязанностями вместо того, чтобы изображать сиделку,

- Вадим бросил на Руслана многозначительный взгляд, от которого у меня в ужасе сжались внутренности.

Тяжелый. Испытующий.

Неудивительно, что Рус тут же опустил глаза и согласно кивнул.

Вообще-то я тоже переживала о том, как Вадим на коляске поднимется на крыльцо. Но ответ получила сразу же, увидев по правую сторону лестницы пандус. Кстати, Ярский взо-

брался наверх с гораздо меньшими усилиями, чем я, пока топала по всем этим ступеням с ребенком на руках.

- Фух, - пыталась отдышаться, открывая дверь. – А Руслан хотел, чтоб я еще люльку тащила. Изверг.

- Просто ты – слабачка. Он думал о тебе лучше, чем есть, - словно между прочим заявил Ярский, заезжая внутрь.

Я на некоторое время так и осталась стоять с открытой дверью и ртом, переваривая это заявление. Уникально подобранные слова. И оскорбил, и... снова оскорбил.

Гневно вдыхая, наконец отмерла, бросившись следом за этим аспидом. Но не успела сказать ему ни слова из того, что пришло на ум, потому что нас встретила администратор и сразу же повела к процедурному кабинету.

- Ярский, - донеслось оттуда почти сразу же.

- Иди, - махнул рукой Вадим.

- Зачем? – что-то я совсем растерялась.

- Ульяна, не тупи. У Ильи кровь возьмут на анализ.

- Так это, - что-то мне нехорошо при мысли, об игле, протыкающей маленькую ручку. – Может лучше ты? Ты же папа.

Прозвучало откровенно жалко. Да плевать. Я боюсь. Я не могу по собственной воле принести Илью туда, где ему будут делать больно. Это... предательство, что ли.

- Твою мать, - выдохнул Вадим, прикрывая глаза, - меня тут вообще быть не должно. У моего сына есть няня. Пройти с ребенком медкомиссию – твоя работа. Прекрати тянуть время и вали уже в чертов кабинет.

- И вовсе необязательно вести себя как...

- Как? – перебил меня Ярский, прищурившись.

- Как охальник! – сорвалось с языка.

- Кто? – ошарашенно переспросил Вадим. А я полностью разделяла его состояние. Это первое оскорбление, пришедшее мне в голову? Seriously?

Мда, профдеформация в чистом виде.

- Ярские, вы где там? – раздалось за спиной. Оказывается, молоденькая медсестра, так и не дождавшись, вышла в коридор и наткнулась на наши гляделки с Вадимом.

Бежать было поздно.

Поэтому, изобразив на лице выражение Анны Болейн, идущей на казнь, я поплелась в процедурный. И даю все свои зубы на отсечение (ну или куда там их положено давать), что, стоило двери за нами закрыться, как Вадим Ярский звучно расхохотался. Ну или это земля разверзлась и нечисть на поверхность полезла. Хотя первое не исключает второе.

Спустя минуту я уже не думала ни о Вадиме, ни о своем раздражении, ни об исторических оскорблениях. Мне показали, как я должна держать Илюшу, чтоб медсестра могла попасть ему в вену, и все моральные силы уходили теперь на чувство вины перед малышом.

Дальше все было слишком медленно.

Вот на маленькой ручке затянули жгут.

Илюше не понравилось это, и он начал ворочаться.

Вот место прокола протерли спиртовой салфеткой. От прохладного прикосновения малыш стал хныкать.

Когда медсестра поднесла иглу, я малодушно отвернулась. Илья испугался и уже кричал во весь голос.

- Тише, мой маленький, я с тобой, - повторяла как заведенная.

И тут я поняла, что плач, который я слушала ночью, и то, что происходило сейчас – совершенно разные вещи. Я точно уловила момент, когда Илюше стало больно. Он закричал с надрывом, захлебываясь слезами и вздрагивая.

- Маленький, пожалуйста, потерпи еще немножко.
Я зажмурилась, изо всех сил удерживая Илюшу на месте.
Это было ошибкой.

Глава 19.

Я вдруг поняла, что все происходит слишком долго.

Что-то не так.

Усилием заставила себя открыть глаза и повернуться в сторону иглы. Оказывается, все это время медсестра шарилась под кожей у малыша, пытаясь попасть в вену. Но ничего не добились кроме того, что Илюша намучался.

- Вы что творите?! – вскрикнула я так, что сама себя не узнала. – немедленно прекратите.

- Не мешайте, - отмахнулась эта извергша.

- Руки от ребенка убрала, пока я тебе их не поотрывала! – с какой-то ожесточенной решимостью прорычала я.

В эту же секунду дверь кабинета со стуком распахнулась, и показавшийся на пороге Вадим страшным голосом заорал:

- Какого хера тут происходит?!

Не знаю, кто из нас двоих тому виной (хотя, кого я обманываю, глядя на выражение лица Ярского, мне самой захотелось бежать за границу), но медсестра, чуть побледнев, тут же вытащила иглу и дрожащими руками забинтовала место прокола.

Я подскочила на ноги, крепко прижав Илюшу к себе.

- Я всё еще жду ответа на свой вопрос, - угрожающе произнес Вадим после того, как мельком прошелся по нам с Ильей взглядом.

- Вадим Дмитриевич, ваша няня помешала забору крови! – затараторила медсестра, заламывая руки. – Венки маленькие, пациент подвижный. Видимо, у девушки не слишком много опыта, оттого такая острая реакция на плач. Она вместо того, чтобы мальчика нормально держать, под руку мне кричала.

Чего?

В полнейшем шоке я метнула злобный взгляд в сторону белобрысой стервы. На меня стрелки решила перевести?

Но в целом, учитывая, что Вадим мне не особенно доверяет, у нее вполне может получиться. По позвоночнику прокатилась волна ужаса. Он же меня прибьет прямо здесь.

Затаив дыхание, я опустила глаза в пол, ожидая реакции Вадима и готовясь защищаться.

- Ну-ка стихла, - бросил Ярский, заставляя пространство вокруг заледенеть от его тона. – Ульяна, - позвал меня, - она кровь взяла?

- Нет, - тихо ответила, подняв голову. – В вену так и не попала.

Хотя Ярский сидел в коляске, мне всё равно казалось, будто он угрожающе нависает надо мной, сканируя своим темным взглядом.

Вадим несколько секунд не отводил глаз, а затем продолжил:

- Ищи другую работу.

В каком смысле?

Он что думает – я теперь буду в истерике биться? Ярский хоть и взял меня в няни, но я на эту должность не напрашивалась. Да и денег мне не платят.

- Простите пожалуйста, - вдруг истерично взмолилась блонда.

А-а-а, так это было ей адресовано.

- Я только недавно устроилась, это моя преддипломная практика! Мне очень нужно доработать! Я стараюсь, честное слово! Я...

- Кажется, я не просил открывать рот, - грубо прервал её Ярский. – Мне плевать на твои обстоятельства. Меня интересует только мой ребенок. Вся клиника слышала, как ты над ним издевалась. Причем без толку. И ты полнейшая идиотка, если решила, что словам какой-то левой девки я поверю больше, чем женщине, которая заботится о моем сыне.

Это он обо мне?

Округлившимися глазами я уставилась на Вадима, не веря в то, что услышала. Вот вроде и ничего сверхъестественного он не сказал, но меня пробрало.

«Женщина, которая заботится о моем ребенке...»

Это почему-то звучало..., как комплимент.

С первой секунды мне было понятно, что Илюша для Вадима всё. И чем больше я смотрю на него рядом с сыном, тем больше хочу запомнить этот образ. Образ отца. Любящего. Настоящего. Отчаянного.

Но, кажется, даже Ярский понимает, что в жизни малыша должно быть женское участие. Ведь мама Ильи погибла. И по-настоящему я осознала это только сейчас. Как-то раньше, зная о смерти жены Вадима, я не думала о ней, как о матери.

А ведь это самое важное. Какой бы сильной ни была боль Вадима – он взрослый, сильный мужчина. Он справится. А вот малыш... Он еще толком мир не видел, а уже пережил страшное горе. Улыбается, лепечет, капризничает и не осознает, что судьба забрала у него самого близкого человека.

Господи, хоть бы не расплакаться...

Не зря Лидия Семеновна с такой тоской говорила о том, что малышу нужна любовь.

Хотя как его не полюбить? Даже при первом взгляде на эту кареглазую копию Ярского-старшего, невозможно сохранять равнодушие. Слишком уж он милый и сладкий.

Интересно, Вадим в детстве был таким же?

Вадим Ярский – милый и сладкий...

Звучит, как сон при температуре сорок.

Тем временем, до медсестры дошло, что никакие слова не смогут смягчить Вадима. Этот мужчина виртуозно умеет загонять в угол и заставлять дрожать от страха. Какое счастье, что сейчас не я под горячую руку попала.

- Доброе утро, - раздался незнакомый мужской голос, - что-то случилось?

Повернувшись, я увидела, за спиной Ярского мужчину лет пятидесяти. Приятная внешность, аккуратно зачесанные назад русые волосы, слегка тронутые сединой, внимательные серые глаза. И вполне говорящая одежда: белый халат поверх делового костюма. Видимо, начальство блонды пожаловало.

- Здравствуйте, Иван Андреевич, - тут же отозвался Вадим, даже не обернувшись, - кажется за то время, что мы не посещали клинику, ваш персонал растерял квалификацию.

- Вадим Дмитриевич, - обратился он к Ярскому, просочившись в кабинет, - уверяю вас, мы очень строго подходим к подбору персонала. Каждого сотрудника я одобряю лично.

- Тогда всё еще хуже, - бесстрастно отозвался Вадим. – Видимо, *вы* растеряли квалификацию.

- Вадим Дмитриевич..., - с плохо скрываемым волнением собирался ответить мужчина, но был прерван.

- Сейчас мы идем на прием к педиатру. А эта, - Вадим указал взглядом на блонду, - в отдел кадров. Потом *нормальная* медсестра возьмет кровь у Ильи. Как надо. В ином случае, в отдел кадров пойдете вы, - угрожающе закончил Ярский и, развернувшись, поехал вперед по коридору.

Я краем сознания отметила, как неестественно побледнел Иван Андреевич, а затем быстро покинула кабинет и понеслась вслед за Вадимом.

- Может не стоило..., - осторожно произнесла.

- Что? – ошетинился Ярский.

- Как сказали бы мои ученики: жестить.

- Почему не стоило? – он резко остановился, уставившись на меня.

- Ну это ведь действительно непросто, - неуверенно произнесла, вспоминая слова медсестры про тонкие вены.

- Это ее работа, Ульяна, - отрезал Вадим. – Но я могу понять и неопытность, и сложность. Единственное, чего я не понимаю – упорного нежелания признать ошибку. Не получилось – остановись. Попроси помощи. Не уверена – не делай. Да, ей надо на ком-то учиться. Но я не общественный деятель. Я, в первую очередь, отец. Так что мне срать, на ком она будет тренироваться. Я не хочу, чтобы это был мой ребенок.

- Ну да, - с позиции родителя поведение медсестры действительно выглядело гадко, - я когда увидела, как она у него в руке ковыряется, чуть в обморок не упала.

- Да, - со скрытым смешком проговорил Ярский, - я и примерно половина города слышали, твои предобморочные конвульсии.

- В смысле? – глаза против воли округлились.

- Да ты орала громче Ильи.

Я?

Орала?

Да я вроде так... слегка голос повысила.

Хотя я в том еще аффекте была. Может и орала.

Не помню.

Все последующие осмотры и процедуры прошли спокойно. Судя по тому, что телефон Ярского разрывался – кто-то его серьезно потерял. То ли сотрудники, то ли партнеры, то ли подрядчики...

В общем, из отдельно услышанных слов я сообразила, что Вадиму надо на рабочую встречу, но он с каменным лицом посылал на х.., в смысле очень далеко, всех, кто осмеливался ему звонить.

- Может поедешь? – уже даже я стала нервничать. – Видимо, там тебя сильно ждут.

- Насрать. Подождут. Мой сын сейчас – самое важное.

Второй раз в процедурном кабинете нас с Ильей ждала медсестра, которая, судя по виду, могла лично застать казнь Романовых.

Но опыт есть опыт, так что эта великая женщина, чуть ли не с закрытыми глазами отыскала венку Илюши и набрала все нужные пробирки так быстро, что мы с малышом даже испугаться не успели.

- Ну что? – спросил Вадим, когда мы вышли. У него было такое выражение лица, словно он готовился лично снести здание клиники, если и в этот раз его ребенка мучали напрасно.

- Все отлично, - улыбнулась я, на автомате прижимаясь к пухленькой щечке Илюши. – Это самый смелый зайчонок на свете.

Ярский странно посмотрел на нас. И на дне его глаз полыхнуло что-то... отчаянное. Над-рывное. Боль, понятная лишь ему одному. И... надежда?

- Собери вещи Ильи, - сбросив оцепенение, велел Вадим. – Завтра утром мы улетаем в Москву.

Глава 20.

Я пыталась отнекиваться.

Взывать к здравому смыслу.

Практически отбиваться.

А в итоге, в полной мере прочувствовала значение поговорки: собака лает, караван идет. Когда, несмотря на все свои возмущения, оказалась в Шереметьево вместе с чемоданом, Ярскими и их службой безопасности.

Конечно же, Вадим не удосужился объяснить, почему мы так неожиданно сорвались в Москву, и что вообще будет дальше. Поэтому все, что я могла – сосредоточиться на Илюше, который, к слову говоря, перенес полет гораздо легче, чем я.

Теперь же малыш, раскинувшись в коляске, спал, а я пыталась осознать, как из тесного школьного кабинета и съемной однушки оказалась на террасе пентхауса с видом на центр столицы.

Просто голова кругом.

Дом Ярского, конечно же шикарен, но ощущения от него были совершенно иные. Там все более... человеческое что ли.

Здесь же сплошной дизайн, чтоб его. Пафосный. Кричащий. Баснословно дорогой.

Мне не нравилось. Неуютно.

Не то, чтобы я прям обжилась в доме, но там я не чувствовала себя чужеродным объектом, который по ошибке выплонуло в красивую жизнь.

- Всё осмотрела? - незаметно сзади появился Ярский.

- У меня нет привычки шарить по чужим квартирам, - усаживаясь в плетеное кресло рядом с коляской Илюши, произнесла я.

- Я не к тому, - спокойно отозвался Вадим. – Тебе предстоит жить здесь. Практически одной, поскольку я много времени провожу в офисе. Не хочу, чтобы ты терялась, а из меня гид не лучший. Так что можешь ходить где угодно, заглядывать в шкафы, ящики, полки. Обживайся, в общем.

Кажется, Ярский собирался ретироваться, поэтому я торопливо спросила:

- А когда прилетит Лидия Семеновна?

- А почему она должна прилететь? – он был в недоумении.

- Ну как же... Она ведь у тебя работает. И с Илюшей помогает...

- Ульяна, - мне кажется, или тяжелый взгляд Вадима вдруг стал извиняющимся? – Лидия Семеновна ведет только дом. Она не приедет.

- В смысле? – по-моему, высота отрицательно сказывается на моих когнитивных способностях. – Как это не приедет?! Вадим, я не справлюсь одна!

- Выдохни, - спокойно велел он, подъезжая ближе. – Во-первых, уверен, что справишься. А иначе тебя бы здесь не было. Ты все схватываешь и быстро адаптируешься. Ты нашла подход к Илье – это главное. Если что, можешь звонить Лидии Семеновне в любое время – я её предупрежу.

- А во-вторых? – растерянno уточнила.

- А во-вторых, ты не одна, - голос Ярского стал тверже. – Я здесь. И это мой сын. Так что не считай меня бесполезным инвалидом.

- Вадим, я не..., - договорить он мне не позволил.

- Три раза в неделю приходят помощница по хозяйству и повар. Ты можешь перестроить их график и обязанности под себя. Делай все, что требуется для вашего с Ильей удобства. Будет нужно – я найму еще персонал.

- Нанял бы лучше няню, - я тяжело вздохнула, спрятав лицо в ладонях. – Кстати об удобстве, - вскинулась, кое-что вспомнив. – У Илюши подгузники заканчиваются. И смесь. Мне вообще выходить позволено? Мы бы могли купить все во время прогулки. Или для этого у тебя тоже есть персонал?

Ярский усмехнулся и, отогнув пиджак с одной стороны, запустил пальцы в карман.

- Как раз об этом, - произнес он, протягивая мне пластиковый прямоугольник. – Только сама не ходи. С вами постоянно должен быть кто-то из охраны.

- Что это? – вопрос скорее был риторическим, но Вадим ответил.

- Карта.

- Зачем?

- По-моему, очевидно, - тут Ярский собирался закончить разговор, но, видимо, моя окаменевшая поза заставила его передумать. - Ульяна, не тупи, - цыкнул и закатил глаза. – На что ты собралась покупки делать? Денег я тебе не плачу. Да и если бы платил: мой сын – моя ответственность. И ты, кстати тоже, раз уж из-за меня у тебя нет стабильного дохода. Эта карта для ваших с Ильей потребностей. Пин-код – 2364. Если денег будет не хватать – скажи, я пополню.

Я сидела в ощущении, что меня битой по голове приложили. Настолько бредовым мне казалось происходящее. Этот мужчина обвинил меня в похищении, принудительно взял на работу, притащил в другой город, орал, а теперь собирается содержать? Может я до сих пор лежу в том подвале, и у меня галлюцинации?

- Вадим, - заговорила я, сбрасывая оцепенение, - а давай, ты просто будешь платить мне зарплату, раз уж я каким-то странным образом получила эту работу?

- Нет, - не думая ни секунды, отозвался он.

- Да почему?!

- Следующий вопрос.

- Хорошо, - меня начинало трясти от ощущения, что мной помыкают, как куклой, - как долго ты собираешься держать меня... в нянях?

- Сколько потребуется, - Ярский нахально приподнял одну бровь, приглашая к дальнейшей пикировке.

- Это не ответ, - процедила, не разделяя его игривое настроение.

- Очевидно же, - темные глаза стали пронзительно собранными, - как минимум, пока не найду твою сестру.

- И что потом?

- Узнаю, кто так отчаянно пытается сжить меня со свету.

- В каком смысле тебя? Разве речь шла не о похищении Ильи? – я окончательно запуталась и перестала улавливать происходящее.

- Четыре месяца назад, - Вадим глубоко вдохнул, словно решаясь, - кто-то очень постарался, чтобы мой вертолет упал. В результате, мать Ильи погибла, а я стал инвалидом. Затем похитили моего ребенка. И почему-то подбросили его тебе. Какая-то гнида приложила много усилий, чтобы испортить мне жизнь. Перед смертью жена очень подружилась с моей сотрудницей – Ульяной Савенко. Которая резко испарилась после исчезновения Ильи, и, как оказалось, следила за нами некоторое время, - Вадим сделал паузу, вглядываясь в мое лицо, а затем, словно в чем-то убедившись, покачал головой и продолжил. – Что бы ни входило в планы Дины, это началось задолго до того, как ты оказалась в подвале. И ты останешься рядом, до тех пор, пока я не узнаю, что ей нужно, и кто за всем стоит.

- Ты не думаешь, что это она все задумала?

- Глобально ей не за что желать мне смерти, - рассуждал Ярский так, словно речь шла о чем-то обыденном. – И чтобы подстроить крушение вертолета, недостаточно просто быть психованной сукой. У нее бы не хватило ресурсов. Так что в начале этой цепочки не она. Важно

узнать кто, чтобы я мог защитить своего ребенка, себя, и в конечном итоге, тебя. Здесь ты будешь в безопасности, под круглосуточной охраной.

- Ты хотел сказать: под круглосуточным наблюдением, - горько усмехнулась я.

- Если тебе нечего скрывать, то разницы нет.

- Вадим, ты хоть понимаешь, насколько это странно? – прикрыв глаза, тихо проговорила я.

- Ты о чем? – интересно, его и правда ничего не смущает?

- Ты притащил меня в квартиру, где жить будем мы одни. Между нами никаких признаков трудовых отношений: ни договора, ни зарплаты. Зато теперь у меня твоя карта. Все выглядит так, будто я не няня, а...

- Кто? - подстрекал Ярский, а на дне его глаз притаился лукавый блеск.

- Содержанка, - почти выплюнула я.

- И что в этом плохого? – легко спросил Вадим, совершенно сбивая меня с толку.

- Прости? – ну а вдруг я неправильно его поняла.

- Что плохого в том, чтобы найти себе обеспеченного мужчину? – а нет, правильно.

- Ну не знаю, - скептически поморщилась, - это пахнет эскортом, не находишь?

- Не согласен, - спокойно отозвался Ярский, - эскорт – это когда ты спишь за деньги с кем угодно, а если ты спишь с тем, кто тебе нравится, и к нему бонусом идет много денег – это удача.

- Это утопия, - закатила глаза я.

- То есть я тебе не нравлюсь? - сделал Вадим самый странный вывод из разговора об эскорте.

- Я этого не говорила, - выпалила, не подумав.

- Значит, всё-таки нравлюсь? - довольно отозвался несносный Ярский.

Глава 21.

Да что вообще происходит?

Вадим Ярский со мной флиртует?

Или еще хуже – пытается шутить?

А можно пожалуйста вернуться к тому варианту, где он рычит и запугивает? С таким Ярским спокойнее как-то. Привычнее что ли.

А как вести себя с игривым хищником, чтобы он ненароком не откусил тебе голову, я понятия не имею.

- Вадим...

Так и не придумала, что ответить ему.

Ведь на этот вопрос я и себе не отвечала.

С самого первого мгновения в темноте и до сих пор, Ярский вызывал во мне столько разных эмоций, что невозможно было разобраться в них до конца.

Страх. Раздражение. Растерянность. *Восхищение*.

Парадокс, но при том, что Вадим Ярский – грубый, злобный, недоверчивый циник, именно восхищение я ощущала острее всего. Его силой воли. Стойкостью. Отцовской заботой.

А остальное... не удивительно, учитывая, сколько ему пришлось пережить.

И это совершенно объективный вывод, никак не связанный с тем, что внешность Ярского все чаще вызывала секундную остановку сердца.

Ну да, конечно.

Украдкой рассматривая его, я каждый раз силой заставляла себя отводить взгляд. Потому что, чем больше привыкала к угрюмому взрывному характеру Вадима, тем спокойнее чувствовала себя рядом и невольно стала обращать внимание на его высокие скулы, прямой нос с едва заметной горбинкой, лёгкую тень щетины, которая придавала облику притягательную суровость. Но главное — его взгляд. Глубокий, почти черный. Таивший в себе все пройденные испытания. Очерченный хмуро сведенными бровями, и оттого еще более напоминавший манящий омут.

В моей жизни было не так много мужчин.

Одноклассников и одноклассников в расчёт не берем – незрелые дураки с комплексами.

Ещё был случайный знакомый с конференции. Мои первые и единственные отношения. Сама не знаю, как они продлились целых два года. Максим был ничем не примечательным среднестатистическим маменькиным сыночком, который умел мастерски пускать пыль в глаза.

На работе – физрук да трудовик. Кстати, примерно возраста Ярского, но ни одному человеку в мире не придет в голову, поставить их на одну ступеньку с Вадимом. Во-первых, сравнение точно не будет в их пользу, а во-вторых, Ярский их с лица земли сметет своей энергетикой.

Из достойных вариантов остается дед Савелий. Вот скинуть ему лет двадцать – был бы идеал.

В общем-то, при таком раскладе у меня не оставалось ни единого шанса не впечатлиться Вадимом Ярским.

- Ульяна, - усмехнувшись, ворвался в мои мысли Вадим, - я хотел бы получить ответ на свой вопрос.

- Как и я, - вложила в этот набор букв максимум дерзости, - на много своих. Например: как ты оказался в подвале? Почему врешь, что тебя там не было? И каким образом выжил после того, как в тебя стреляли?

- Ну, не хочешь, не отвечай, - возмущительно легко отмахнулся Вадим. – В любом случае, можешь не переживать. Глядя на меня, никто не посчитает нас любовниками.

Ну конечно! Я возмущенно втягивала воздух, стараясь не показать обиду.

Действительно, как великое божество может снизойти до обычной училки. Никто из его окружения даже мысли не допустит, что Ярский заинтересовался посредственной серой мышью. У него-то в постели небось одни модели да богачки всякие.

- Я про ноги вообще-то, - насмешливо добивал меня он. – Ты чего запыхтела?

- А что не так с моими ногами? – вот когда ты, Ульяна, научишься сначала думать, потом говорить?

- С твоими ногами все прекрасно, – в голосе Ярского стали пробиваться хриплые нотки. – И я был бы рад видеть их чаще. Я говорю про то, что я – инвалид.

- Ну да-ну да, – с сарказмом выдавала я. – Хотя ты это отрицаешь, но я прекрасно помню, что в подвале, чуть не разбила нос об тебя, и в этот момент мы совершенно точно стояли на ногах. Поэтому, извини, вот в этот маскарад я верю всё меньше. После аварии четыре месяца прошло. Что ты делал всё это время? Подбирал удобную коляску? Вряд ли. Не тот у тебя характер, чтобы ничего не предпринимать.

- А может моя травма необратима? – меня начинало злить, как усердно он пытается сделать из меня дуру.

- В интернете писали, что ты перенес несколько операций, и, вроде как, даже летал за границу. Это не похоже на необратимую травму. Скорее на погоню за надеждой, чтобы выкарабкаться. А насколько я успела тебя узнать, не получить у тебя не могло.

- Как интересно, что после нескольких дней знакомства, ты меня записала в супермены, - никак не комментировал мои догадки Вадим.

- Я просто в людях разбираюсь. Часть профессии. Я вижу, как ты говоришь с окружающими. И как они говорят с тобой. Тебя уважают. И опасаются. Не как инвалида, а как человека, которому даже коляска не мешает добиться своего.

- Уже мешает, - с затаенной горечью произнес он. – А иначе бы на моего сына не посмели руку поднять.

- Больше этого не случится, - я видела, как беспокойство за ребенка захлестнуло Ярского. – Я глаз с него не спущу, обещаю.

Замолчав, мы повернулись в сторону спящего Ильи, который то улыбался, то забавно причмокивал ротиком.

- Ну какой же зайчик, - тихо восхитилась я.

- Почему у тебя нет детей? – спросил вдруг Вадим. – Кажется, ты к ним нормально относишься?

- Нормально? Я их обожаю, - с улыбкой заговорила, вспоминая любимых восьмиклашек. – Дети кажутся островком света в этой жизни. Как бы они ни хулиганили, если быть искренней, они в ответ дарят столько любви и позитива, что просто невозможно не чувствовать себя счастливой. Вот только родителей должно быть двое. А я пока не встретила мужчину, с которым ощутила бы безопасность.

- Безопасность? – удивился Вадим. – Я-то думал ты из тех, кто ждет великую любовь наперевес с конем и принцем.

Слова, сказанные Ярским, я слышала много раз. От родителей, подруг, даже посторонних людей. И уже давно смирилась с тем, что у меня искаженное понимание о «долго и счастливо».

- Для меня любовь – безусловное доверие к человеку. Когда знаешь, что рядом с ним, будешь защищена физически и морально. Когда он принимает тебя любую: счастливую, страдающую, уставшую. И разделить с ним можно всё, не боясь упреков и осуждения, – я с грустью усмехнулась, понимая, насколько наивно и нереально это звучит. – Вот это для меня важно. Потому что легендарные бабочки в животе однажды передохнут, а неправильный выбор останется. Ты действительно мне нравишься, Вадим. Как отец. И я бы хотела, чтобы у моего ребенка был такой же папа. Который будет готов за него весь мир разорвать и подарит безграничную любовь.

- Ты слишком высокого обо мне мнения, Ульяна, – севшим голосом проговорил Ярский.
– Из-за меня у Ильи не будет матери. Так что не такой уж я и хороший отец.

Я не могла пошевелиться, потерявшись в волнах боли, что плескались в темных глазах Вадима. Впервые он позволил мне увидеть эмоции, надежно скрытые маской уверенности и гнева. Не стал прятать раны, что до сих пор кровоточат. Дал волю чувству вины, которое пожирало его душу день за днем. Делил со мной ад, пылающий в его груди.

- Здравствуйте, Вадим Дмитриевич, - раздался вдруг писклявый женский голос, нарушая хрупкость момента.

На крышу уверенной походкой всплыла длинноногая рыжая девушка в возмутительно коротком светлом сарафане.

Вадим повернулся к ней, окинул взглядом, как по мне, дольше необходимого задерживаясь на открытых участках тела. Почему-то захотелось скрестить руки на груди и демонстративно отвернуться.

- Виктория, я вас ждал, - чересчур томно отозвался Ярский, приподнимая уголок губ в улыбке.

Ну конечно, полуголой девице мы улыбаемся! Это на Ульяну можно срываться, она-то ноги под джинсами прячет!

Все мужики одинаковые!

- Где я могу переодеться? – призывно улыбаясь, спросила бесстыдница.

- В моей комнате. Там все и будет происходить, - загадочно сообщил Вадим.

Происходить?

Серьезно?

Хоть бы сына постеснялся!

И его няню!

Мне как существовать в квартире, зная, что у них там всё будет происходить?!

- Мы пойдем, - выпалила я, подсакивая на ноги. – За подгузниками. И гулять. В общем, не будем вам мешать.

Кажется, недовольное лицо удержать в себе не получилось. Ну и ладно! Пусть Ярский знает, что я не одобряю его распутное поведение. Уж домой мог бы и не таскать девиц!

- В квартире напротив Руслан со своими ребятами, - отлипая наконец от длинноногой, сообщил Вадим. – Зайди к ним, попроси сопровождение.

Почему-то хотелось съязвить. Ну или хотя бы фыркнуть. Поэтому, чтобы не позволить себе лишнего, я молча кивнула, ухватила за коляску и понеслась прочь.

Охранять нас с малышом пошел сам, его высочество, Руслан. Странно, учитывая, что я по какой-то причине сильно ему не нравлюсь.

- Руслан, слушай, - любопытство пересилило здравый смысл, - а кто эта... девушка?

- Твое какое дело? – огрызнулся он. – Твоя задача – следить за ребенком, а не за боссом. Этим и займись. Няня.

Вот и поговорили...

Глава 22. (Ярский)

- ... так что они перешли к финальному этапу реконструкции, но возникли сложности с доставкой материала, поэтому сдачу объекта нужно передвинуть хотя бы на пару недель, - наконец-то закончил свой нудный доклад мой ведущий инженер-строитель.

Когда я только начинал бизнес, наивно рассчитывал, что создам работающую структуру и буду потом жить в свое удовольствие, аккумулируя все на расстоянии.

И вот до чего это расстояние довело. Меня не было чуть больше месяца, а разгрести теперь долбанную «удаленку» полгода, не меньше.

И это при том, что я всегда был на связи и решал срочные задачи.

Вот уже четвертый час приходилось выслушивать, как много всего пошло не так.

Никак не мог решить – психовать из-за того, что взрослые люди, которым я плачу немалые деньги, потерялись в трех соснах, или радоваться, что я такой незаменимый.

Телефон в кармане коротко завибрировал, обозначая новое сообщение. Обычно на рабочих встречах я не отвлекаюсь, но после стольких часов, даже я не вывожу. Нужен брейк.

Интересно, что там, потому что, в общем-то все, кто может мне слать сообщения, сейчас в этой комнате.

Разблокировал экран, нажав на оповещение, и замер. Открылся пустой диалог, куда пришло видео. От Ульяны. На нем Илья с умильно-деловым видом сидел в детском стуле и пробовал какую-то зеленую жижу.

Что это за гадость?

Видимо, у сына примерно такой же вопрос возник, учитывая, как он скривился, пытаясь распробовать, что бы это ни было.

Но через пару секунд Илья расплылся в двузубой улыбке, возбужденно замахал ручками и потянулся вперед, явно требуя добавки.

Сдерживать смехок я даже не пытался. Мой сын – важнее всего на свете. Какая может быть работа, когда он пробует свою первую еду?

«Что было в ложке?» - быстро набрал сообщение.

«Кабачок», - тут же ответила Ульяна. – *«Извини, если не вовремя. Я подумала, что ты захочешь увидеть первый прикорм.»*

«Правильно подумала. Спасибо.»

Дальше появился значок, что она набирает сообщение, но ничего так и не пришло. А Ульяна тут же вышла из сети.

Я был не удивлен. Вот ни капли. Эта женщина оказалась взрывом мозга во плоти.

Нет, она не скандалила, не ныла, не пилила. С огромным старанием заботилась об Илье. Иногда даже мне казалось, что Ульяна чересчур загоняет себя.

Она нашла общий язык с персоналом, с охраной, даже с альпинистом, что окна мыл. При этом умудрялась совершенно не вписываться в мои рамки, не поддаваться прогнозированию и не оправдывать ожиданий.

Например, я снова застал ее спящей в кровати с Ильей. И в этот раз хорошенько отчитал (может даже слишком). Запретил Ульяне укладывать моего сына в небезопасных условиях и, глядя на ее бледное, перепуганное лицо, был уверен, что теперь-то детская люлька с мягкими бортиками игнорироваться не будет.

Хер там.

На следующий день снова застал Илью в постели няни. Только на этот раз вокруг были расставлены тяжелые обеденные стулья, имитирующие ограждение. А на тумбочке еще и распечатка лежала об опасности мягких бортиков для детского дыхания.

Стерва.

Еще из странностей. Всякий раз, когда к нам приходила Виктория, Ульяна становилась чернее тучи и спешила уйти с Илюшей на прогулку. Я сначала не понимал, что на нее находит.

Руслан подсказал. Случайно, конечно.

Он сообщил, что у Ули нездоровый интерес к Вике. И меня вдруг осенило.

Сосредоточенный на восстановлении, я совершенно не заострял внимание на том, что Виктория – привлекательная девушка. И Ульяна явно приписывала моему мануальному терапевту (кем, собственно, являлась Вика) функции, которые та не выполняла.

Так что это была не странность. Не вынюхивание (хотя именно на это ставил Рус).

Обычная, понятная и, почему-то, такая сладкая женская ревность.

Сначала я собирался рассказать Уле про Вику правду. А потом решил повременить. Все-таки приятно, когда красивая, умная, светлая девушка, притягивается к тебе, несмотря на всю твою тьму.

В общем, за десять дней в Москве, я уже перестал удивляться финтам Ульяны. Даже больше. Я теперь каждый день начинал, предвкушая, что же она выкинет сегодня. С этой мыслью я нетерпеливо возвращался домой. На радость сотрудникам и охране, которым больше не приходилось сидеть со мной на работе допоздна.

Квартира тоже изменилась. Я видел, что Ульяне в ней некомфортно, и понимал почему. Несколько лет назад, когда я еще верил в то, что Камилла станет хозяйкой моего дома и хранительницей очага, я позволил ей отделать там все по своему вкусу. Конечно, работал дизайнер, но у него было распоряжение полностью угодить моей жене.

В итоге, сто раз пожалел о том, что не взглянул на проект перед реализацией. Потому что каким бы стильным и дорогим ни было это место, домом его назвать было сложно. Уюта не было. Сплошной выпендрей. Такой, чтоб звать друзей, якобы в гости, и водить их с час из комнаты в комнату, понтуясь душем для собак в прихожей. И это при том, что у нас не было собаки!

Короче говоря, когда Ульяна очень завуалированно намекнула, что хочет сменить обстановку в их с Ильей комнате, я с радостью разрешил ей приложить руку ко всей квартире, если захочется.

Возможно, я совершаю второй раз ту же ошибку.

Но мне все равно.

Почему-то присутствие Ульяны в моей квартире было важно. Ощущать его было важно. И видеть ее комфорт тоже было важно.

В конце концов, настроение Ули очень тонко считывает Илья, поэтому для моего сына лучше, если его няня будет довольна.

Что за чушь, Ярский? Ты же сам в это не веришь.

Не думал, что это возможно, но у Ульяны получилось вдохнуть жизнь в серый «оплот» дизайнерского искусства. Постепенно в квартире появлялись фотографии, живые растения, какие-то статуэтки.

Потом Уля осмелела, и я стал обнаруживать мебель, которой раньше не было. А когда ей и это сошло с рук, почувствовала свободу окончательно, и решила повесить шторы, заставив сначала ребят из охраны монтировать карнизы.

Кажется, в какой-то момент Ульяна и сама поняла, что переборщила с «легкими» изменениями, когда велела дырявить мои потолки. Но злиться не хотелось. Особенно, когда увидел её с ужасающе милым, виноватым выражением лица.

- *Что натворила?* – спросил тогда с порога.

- *Да так, по мелочи...*,- неуверенно отозвалась Ульяна.

- *Конкретнее?*

- *А давай ты сначала посмотришь, а потом посчитаешь до десяти?* – с опаской предложила она.

Но мне понравилось.

Все понравилось.

Пылесборники на окнах, фикус, сохший каждую секунду, что его не успели полить, желтое кресло странной формы и хаос на книжных полках, который Ульяна устроила, переставив издания по общности тем, а не цветам корешков.

Во всем этом было столько жизни, столько тепла, что мне хотелось раствориться в собственных ощущениях.

Я стал наконец чувствовать, что меня ждут. Каждый раз, как я открывал дверь, Ульяна тут же выходила в прихожую с Илюшей. Сын оказывался в моих объятиях, а она, выдавая сотни слов в секунду, рассказывала, как прошел их день, и что новенького появилось в копилке навыков Ильи.

Мы вместе ужинали, я зачем-то рассказывал про дела в офисе, и Ульяна внимательно слушала, будто ей было не все равно.

Руслан видел, что с каждым днем мы все больше сближаемся, и капал мне на мозги своими предостережениями. Я лишь отмахивался. Просто знал, что *могу* верить Ульяне. Я *хотел* верить. Но предпочитал не задумываться о причинах.

Возвращаясь сегодня, сразу понял – что-то не так. Еще до того, как заметил незапертую дверь и бардак в прихожей. Холодом пробрало. И из темноты подсознания стал подниматься страх.

А потом я услышал крик Ульяны и звон стекла.

Глухой звук падения и плач Ильи.

- Вадим Дмитриевич..., - предостерегающе заговорил Руслан, но было поздно. Наплевав на все, я вскочил на ноги и помчался на второй этаж...

Глава 23.

Замок входной двери привычно шелкнул, и я поплелась в прихожую, чтобы встретить Вадима. Сегодня он, к счастью, вернулся пораньше.

Даже не знаю, с чего у меня появилась привычка встречать Ярского на пороге.

Может оттого, что четыре стены и забота о малыше даже такого угрюмого буку превращают в желанного собеседника? Хотя стоит признаться, в последнее время он вел себя вполне сносно. Не рычал, не рывкал и даже приносил новости из мира без подгузников.

Я во всей красе прочувствовала прелести «декрета». И будь моя воля – построила бы реабилитационный центр для мамочек, в котором им бы делали массаж всего, чего можно, поили валерьянкой, и давали сидеть в полнейшей тишине, глядя в одну точку.

Даже с одним ребенком я забыла, когда расчесывалась в последний раз. А у кого-то же двойни...

Я бы не смогла.

Это при том, что Вадим, несмотря на своё физическое состояние, времени с Ильей проводил больше, чем некоторые здоровые отцы. Играл с ним после работы, давая мне время на то, чтобы спокойно принять ванну. Даже пару раз забирал утром, когда малыш просыпался рано после «бурной» ночи.

Не знаю, как выдерживают всё это другие няни, но я откровенно не справлялась. В голове был туман, а в мечтах лишь сон. Я забыла, чем вообще занималась до появления ребенка, наливала в кофе кефир вместо молока, и кажется, гуление Илюши стала понимать лучше, чем речь взрослых.

Еще и Вадим требовал, чтобы Илья спал отдельно.

Я хотела послушаться. Честно.

Но через несколько дней, настолько вымоталась, вскакивая по ночам, что мне стало все равно, даже, если он свернет м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.